

Не каждый
чистый лист
может быть
началом

БЕСКОНЕЧНО БЕЛОЕ

Пальмира Керлис

Вторая встречная

Пальмира Керлис
Бесконечно белое

«Пальмира Керлис»

2019

Керлис П.

Бесконечно белое / П. Керлис — «Пальмира Керлис»,
2019 — (Вторая встреча)

ISBN 978-5-98901-221-3

На некоторые вопросы лучше не узнавать ответов. Каково это: жить вечно, играть в богов, веками уничтожать единственного противника? Довольно опасно, особенно когда кто-то из своих ведет тайную игру. Она ненавидит запреты, берет выше и хочет знать всё. Бывают загадки прямые, сложные и обманчивые. Одни предпочли бы остаться неразгаданными, другие – не быть загаданными вовсе. Ей предстоит их потревожить, ведь на кону – собственные жизнь и свобода. А ключ к спасению – в историях прошлого и сделка с тем, кому очень хотелось бы верить...

ISBN 978-5-98901-221-3

© Керлис П., 2019
© Пальмира Керлис, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	40
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пальмира Керлис Бесконечно белое

Умей хотеть и будешь свободным.

И. Тургенев

Глава 1

Больше всего на свете я ненавижу оправдываться, звук фена, гречку и белое. От него ужасно отстирывается кровь. Вот как сейчас – багровая клякса лишь сильнее въедалась в ткань. И ладно бы это было мое любимое платье! Это было мое единственное платье...

Кран подавился водой, закашлял, выплевывая последние капли, и утробно взвыл. Я торопливо закрутила допотопный вентиль. В наступившей тишине тонко звенело в ушах, загустевший воздух царапал легкие. Мыльные разводы на кафеле завились спиралью и помчались по кругу. Раз, два, три, не считай и не смотри... Зажмуриться, присесть на край ванны. Вот, почти хорошо. Не видно ни трещин на эмали, паутиной опутавших дно, ни пробки на ржавой цепочке, ни провисших бельевых веревок. Сплошной гранж, и пахнет сыростью.

Впрочем, начиналось все еще хуже...

Вообще, плохая примета – открыть глаза и увидеть незнакомый потолок. Он, как водится, оказался белым. Каким еще ему быть? Потолков я в своей жизни повидала немало, и они редко бывали других цветов. Этот мне решительно не понравился. Слишком ровный, будто придуманный. Хотелось его пощупать, почувствовать шероховатости, найти ямку, отколупать кусок штукатурки. Убедиться, что он настоящий. Только было не достать. Никак. Тянешь руки, тянешь, и ничего. Один воздух. Сбоку плавало окно с черными силуэтами деревьев, покачивалась тумбочка, заваленная фломастерами и листьями в клетку. Кошмар.

Я спустила ноги с кровати, встала. Тумбочка метнулась навстречу, спикировал задетый листок. Схема какая-то. Линии, линии, красные, черные. Лабиринт... Фу, хватит их с меня. Теперь прямо, и только прямо! Энергия пульсировала – вспышками, волнами, мутными кругами. Шаг. Второй... Стена с выпуклыми листочками на цветочных обоях. Шелковистые на ощупь... Ключки под ногтями, царапины поверх распускающегося бутона. И давно забытое чувство – боль. Пальцы жгло, кожу саднило. Это было так... Чудесно, совершенно чудесно. Как и скрип мысли, единственной – неужели получилось?

Остальное далось проще: повернуть дверную ручку, переступить порог. Вперед – в коридор, длинный, белый, с глянцевым полом. В стенах окна, словно без рам вовсе. Вдох, выдох. Подойти ближе, вплотную. Коснуться лбом стекла, сфокусировать взгляд. Вырванная из хаоса и темноты реальность. Пустые лавочки, лужи на асфальте, ворох желтых листьев, раздетые деревья. Осень. Обидно. Лето улизнуло...

Сзади шаги и голос. Резкий, настойчивый. Ни слова не разобрать, лишь звон и дребезжание осколков рассеянного воздуха. Я заткнула уши ладонями и сосчитала до трех. Не помогло. Всплеск чужого интереса, прикосновение к плечу. Что надо?!

Я обернулась. Тетка в белом халате, шевеление приоткрытых губ, испытующий взгляд. Не люблю, когда смотрят. Особенно так пристально. Почти как эта чертова гречка, у которой совсем не поймешь, где спрятаны глазки. А они у нее точно есть, и смотрят-смотрят-смотрят!

Пальцы-сардельки выныривают из белого рукава, тянут назад, подталкивают к палате. Пусти! Колебание энергии, рывок сквозь барьер. Обрывки мыслей, мешанина чувств и череда картинок, за пределами ярких, до тошноты.

Тетка вздрогнула и осела на пол. Замолчала наконец-то!

Звенеть перестало. Я знала, в какую сторону идти. Все выходы, подсобики и когда чья смена в клинике. И что Михалыч вечно тырит колбасу из общего холодильника. Колбаса... Нет, некогда. Точно помнила – надо торопиться. Вспомнить бы еще куда и зачем...

Я вслушалась в заново склеенную из осколков тишину. Пространство наполнялось живыми отпечатками, светилось, предупреждало. Люди... Много, везде. Затаиться, проскочить? Нет. Никаких обходных путей. Напрямик, к цели. Через пронизанный светом коридор, мимо двух шушукающих на диване старух в одинаковых тапках с помпонами. Из сестринской

пахло кофе и булочками, кто-то бубнил в телефон. Скольжение по вычищенному полу, приглушенное цоканье каблучков вслед. В голову лезла чужь. О том, что нужно забрать из ателье юбку, купить корм для Барсика и все-таки сказать соседке, чтобы убрала с лестничной площадки свой занозистый ящик с картошкой. Колготок не напасешься. Тьфу... Что самое мерзкое – сразу не разберешь, мои это мысли или нет. Мерцание страха и беспокойства, шум позади. Толпа вокруг той тетки, поднимают, протискивается доктор. Хорошо. Мне меньше внимания. За очередной аркой – вестибюль. Кожаные диванчики, фикусы в вазах, стойка с девицей, которую хозяйка Барсика не любит, потому что «эта фифа» не очень умная, и племянница директора в придачу. От охранника в углу полыхнуло удивлением, рот девицы превратился в ярко-алую букву «о», которая покатила мне навстречу. И опять этот звон вместо слов... Подскакивает к горлу, душит, скребется в мозг. Цап-царап. Замешкаешься, будут лоскутики, а то и салат.

Багровая пелена перед глазами, два подцепленных сознания. В Лектуме для них есть темнота – спокойная, уютная. Готовая отпустить – потом. Это гораздо лучше, чем свет, холодный и бесконечный. Абсолютно беспощадный. Вцепится, и все. Поминай как звали.

Ноги подкосились, капнула кровь. Потекла по подбородку – влажная, горячая. Зато снова тишина... Блаженная. И на пути – никого.

В гардеробе пусто. На плечиках несколько плащей и единственное пальто. Оранжевое, с карманами. Выбор не ахти. Я закуталась в него – размера на два больше, зато теплое – сунула руки в карманы. В одном леденец в шуршащей обертке, в другом – платок носовой. Тонкий, с вышитым вензелем. «К». Катя? Кира? Клара? Карл у Клары украл кораллы. Хорошо хоть конфетку оставил, жадина. Тугие двери, лестница. Вечерний полумрак, морозящий дождь. За щекой похрупывал леденец, вкусно-мятный. Шлепанье тапочек по луже, свежий ветер в лицо. А дальше – туман. В голове, на холодной улице. Всюду. За воротами – дорога, череда проезжающих машин. Поймала первую попавшуюся. За рулем была Инночка, милая девочка, возвращалась домой. Она мечтала стать стилистом, где-то там училась, а вечерами консультировала в магазине косметики. Пахла всеми духами сразу и собирала коллекцию пустых флакончиков.

Сейчас Инночка думает, что я ее дальняя родственница, которая нагрязнула погостить. Вещи? Какие вещи? Чемодан в поезде украли! Мы друг друга, конечно, обожаем, и сто лет не виделись. Идеальный расклад. Если не считать напрочь убитой съемной квартирki и пустого холодильника, в недрах которого затерялись трехлитровая банка соленых огурцов, буханка черного хлеба и одинокая луковица. Стоило все-таки прихватить из клиники колбасу...

Кап... Кап... Я выдохнула, осторожно открыла глаза. С зажатого в руках платья натекла лужа. Ногам было сыро и холодно, в задницу врезался мокрый край ванны. Отлично, ощущения вернулись. Немного здравого смысла тоже. На кой черт я стирала эту тряпку? Все равно ведь больше не надену. Енот-полоскун! Я зашвырнула под раковину бывшее платье, сдернула с крючка хозяйский махровый халат и вышла из ванной, на ходу запахиваясь и завязывая пояс двойным бантом, чтобы не волочился. Из-за облезлого шкафа, раскrojившего комнату полам, неслись всхлипы и размытый бубнеж. В мониторе бурлили мексиканские страсти. Рядом, на столе, стояла открытая трехлитровая банка с огурцами, по комнате плыл пряный запах чеснока. Инна всхлипнула последний раз и поерзала, устраиваясь поудобнее. Пошарила на ощупь в мутном рассоле, вытащила огурец с налипшей веточкой укропа, постучала о край банки и смачно захрустела, прильнув к экрану. Это надолго. И очень кстати. Я свернулась калачиком на диване и уткнулась в подушку. Если что – я сплю.

Так. Закутаться в плед. Он грубый и колется. Отлично – точно реальный. Нащупать границу легко – зыбкую, тонущую в океане энергии. Ухватиться за край и нырнуть в самую глубь Потока. Сразу, изо всех сил. Не осторожничая, не сомневаясь, не запоминая ничего вокруг. А зачем? Последнее, чего мне теперь стоит бояться – это ловушки...

Волны, волны, волны. Темнота кружила, обретая украденную форму и смысл. Картинка проявлялась все ярче. Заколоченные досками окна, копоть на обоях, обугленный массивный комод. Потолок в паутине, дымка полумрака. М-м-м... Я скучала!

Ключ в верхнем ящике. Длинный, с покоренными завитками и пятнами ржавчины. Шелк, и дверь отворилась. Пламя свечи в углу с треском заметалось, коридор трянуло. Гул, журчание и приглушенное «шмяк» – еще, еще, и еще. Веселье в разгаре! С потолка лавиной сыпался жемчуг, разбивался кровавыми брызгами. Собирался в ручей и несся по лестнице с третьего этажа на второй, со второго на первый, где уже плескался багровый омут с кружащими обломками чего попало: стульев, столов, посуды... Если выловить все осколки зеркала, можно собрать целое – овальное, в человеческий рост.

Схватиться за перила и вперед, вверх! Все скользкое – и они, и ступени... Устоять трудно, подняться – еще труднее. Стремительное течение тащило за собой, сердито вышвыривая прочь. Глупое... Ненастоящее. Надо помнить об этом. Всегда важно помнить – это путь, это спасение, это ключ. Его не надо искать в комодах, он всегда с тобой.

Наверху было темно, стены непроглядно черные. Из-под единственной запертой двери хлестала кровь, растекаясь багровой лужей на весь коридор. Она тягучая. Она красная. Хлопала, пузырилась, исходила паром. Отключить мысли, любые чувства. Сесть, привалиться спиной к двери. Вдохнуть полной грудью. Поймать момент.

Поток – он будто запись, только не буквами. Образами. Игра в реальность, с одним лишь правилом – верить. И я верю, что я – здесь, тогда. Нет ничего проще, чем прислушаться к миру. Стать его частью, влезть на последнюю страницу сценария. Вклиниться перед заключительными титрами и раствориться в освободившейся вспышке энергии. Она такая же, как и много лет назад, в миг свершившегося. Этот миг – в конце. В самом конце. Сейчас.

Первой была боль. Острая, горячая. Пульсация оголенных нервов, жжение на шее.

Я знаю имя. Маргарита. Отражение в треснутом овальном зеркале – девочка с трогательными, коротко остриженными кудряшками. Одуванчик. Ей было шестнадцать, она жила тут. Не одна, конечно. Еще отец, мать, братья, сестры, старая дуэнья и немногочисленные слуги. Обедневший гранд, чего удивляться. Смутное время, междоусобные войны. Враги нагрязнили ночью, резали, жгли, убивали. Крики, стоны, хрипы и тяжелый запах крови. Она спряталась в этой комнате и молилась, молилась... Господь внял молитвам – ее не заметили. Насытившись, растворились в ночи, унося награбленное. Тишина. Какая страшная тишина. Но еще страшнее услышать осторожные шаги по лестнице, когда уже думала, что спаслась... Разлитая в воздухе угроза, чужое дыхание за дверью. Она стиснула зубы и зажмурилась, сжавшись в комок. Скрип, дуновение воздуха... Кинжал вошел в ее шею по рукоять, задев бусы. Нитку жемчуга, белую. Бусины сыпались – одна за другой, на пол, в лужу крови, которая растекалась шире, шире, шире...

Прокатился оглушающий гул, дом вздрогнул и утих, словно ластиком стерев жемчуг и кровь. Никаких брызг, только разруха и подкопченный интерьерчик. Вот и все. Я поднялась на ноги, обернулась на дверь. Разгадка ясна, и это не то, что мне нужно.

Через потайной ход, мимо вереницы платьев и кружев – на кухню, к точке выхода. И в Поток, в самое его сердце, к тем местам, где не сон, а забвение.

Белое. Кругом ослепительно белое. Чужое, неприступное, пропитанное невероятной силой. Но не мое. Я позвала сразу – громко и требовательно. Бум! Пространство заполнилось звуками, цветом, обросло стенами. Светящиеся азиатские фонарики, запах сандала. Подушки на шелковых покрывалах и занавески, занавески, занавески. Невесомый белый шелк делил шатер на кучу маленьких комнат, колыбался, надувался и опадал. В высокой золотой клетке застыла птичка, настороженно кося круглым хитрым глазом. Узнала, зараза? Хрен я к тебе еще раз близко подойду. Комок радужных перьев с нежным голосом, мерзким характером и стальным клювом. Помесь колибри с птеродактилем.

Я улеглась поверх груди подушек, с наслаждением потянулась. Резко похолодало. Опасность разлилась густо, хоть ложкой черпай. Птичка разочарованно подолбила клетку, спрятала голову под крыло.

– Это всегда трудно, – зазвенел голос, полный равнодушия.

За занавеской мелькнул тонкий силуэт, я крепче сжала подушку. Та растаяла, напоследок ослепив вспышкой света.

– Что трудно? – уточнила я. – Сдержаться и не придушить своего пернатого крокодила?

– Возвращаться, – последовал надменный ответ. – Не люблю это.

Занавеска отъехала сама собой. Длинное белое платье на изящном теле, собранные в сложную прическу светлые локоны – волосок к волоску. Четкая линия красивых губ, раскосые глаза, темные и глубокие. Точеные черты лица, нежная белая кожа – гладкая, ровная, ни пятнышка, ни родинки. Совершенная картинка. Настолько безукоризненная, что тянет поставить фингал, чтобы разрядить обстановку. Не знаю, как она выглядела в жизни, но тут явно перестаралась с фотошопом.

– Справлюсь, – я зевнула. – Нужно стать незаметной. Сделаешь, Иля?

Она приподняла бровь. Злится, еще как. Потому что она Иллиит, безо всяких сокращений. Я приподнялась на локтях, устало вздохнула и пожаловалась:

– В голове каша.

– Пройдет, – небрежно обронила Иллиит. – Память пробуждается частями, постепенно.

Пара дней...

– Если они будут, – перебила я. – Поможешь?

Высокомерный кивок в ответ. Ну же, рыба кровь, пошевеливайся. Не у всех пять тысяч лет в запасе...

Пульсация в висках, бурлящая во мне энергия. Она извергается наружу, переливается через края. Взамен приходит другая, мощная, холодная, с горьким привкусом сандала. Что-то здесь останется, мое. На время, ведь в итоге оно обязательно вернется, а инородное уйдет. А пока этого не произошло – я могу спрятаться. Укрыться, затаиться. Никто не высмотрит.

Отданная энергия взмыла ввысь, разлетелась во все стороны бенгальскими искрами. Птичка злорадно засвистела, просунула голову между прутьев, склевывая огоньки. Ах ты ж! Иллиит поморщилась, прутья сжались теснее. Птичка закатила глаза, беспомощно дернулась и обезглавленной тушкой рухнула на дно клетки. Досвистелась.

– Как он тебя отпустил? – спросила Иллиит обманчиво мягким тоном. На длинной шее блестел серебряный кулон – галочка, перечеркнутая косыми линиями. Голосование не засчитано...

– Не помню, – пожала я плечами.

Правда, не помню. Были условия... Одно, два?

Подушки закружились каруселью. Невнятное бульканье, эхом накатывающие ощущения. Царапающая боль, нечто вязкое и горячее в горле, мешает. Нечем дышать.

Иллиит впиалась в меня колючим взглядом, покачала головой:

– Не ходи сюда часто.

– Стоит послушаться?

– Как хочешь, – усмехнулась она. – Твое тело – твое дело.

Волшебная фраза. Я рассмеялась в голос. Энергия Иллиит бурлила во мне как шампанское, пузырьками щекоталась в носу.

– Т-с-с... – Иллиит прижала палец к моим губам. – Теряешь время. Отсчет давно пошел.

Опора пропала, завертелся хоровод фонариков и подушек. Кого хочешь, выбирай... Можно шелковое одеяло? Нет? Ну и ладно. Меня словно всосало в гигантскую воронку, закрутило и безжалостно понесло вверх. Энергия становилась все гуще, давила, затекая жаром внутрь, потом булькнула и застыла. Стрельнуло жгучей болью. Реальность, привет! Это точно

ты. Во рту – металлический привкус, под щекой – что-то мягкое, пухлое, влажное. Я приподнялась на локтях. Сбоку белело чье-то перепуганное лицо, перед глазами среди черной мути плавала смятая подушка в красных пятнах. Сквозь пелену на ткани отпечатывались новые точки – кап, кап, кап.

Отбросить подушку, лечь на спину. Запрокинуть голову и дышать – ртом, через силу. Белое лицо исчезло, затем появилось снова. Точно. Инна, моя новая родственница. Судя по безумному виду – та еще паникерша. Переносицу обожгло холодом, видимо, притащила лед. Мутная чернота расплзлась, удушливо покачивалась, сминая стены...

Стоп! Отставить весь этот беспредел, сосредоточиться. Пульт нащупался – главное, правильно его себе вообразить. Мареву схлынуло, пришла ясность.

Я отобрала у Инны телефон – та лихорадочно тыкала пальцем по кнопкам, пытаюсь вызвать скорую, МЧС или ОМОН. Ну, или всех вместе. Нет, детка, зачем нам тут толпа? Натопчут. Лучше займись чем-нибудь полезным. Готовкой, например. Ее тревога была плотной, колючей, рассеялась со второй попытки. Инночка вздохнула и потопала на кухню. Сработало... А мобильный у нее странный. Не видела таких... больших и тонких, с четким изображением. Новая модель? Или просто в глазах рябить перестало.

Я закуталась в плед и затихла. В углу дивана было уютно и тепло. На кухне тонко свистел чайник, звякала посуда, хлопала дверца холодильника. Прошелестели осторожные шаги, под голову впихнули подушку, пахнущую чаем и огурцами... Огурцами?! Я распахнула глаза. Перед моим носом на табуретке стояла дымящаяся литровая кружка чая и тарелка с бутербродами. Ломти ржаного хлеба с крупно настроганными дольками пупырчатых крепких огурцов, присыпанные сверху колечками лука. От пряного запаха закружилась голова, рот моментально наполнился слюной. Это было невыносимо вкусно – запивать соленые огурцы горячим сладким чаем. Крепким, терпким, непридуманным. Реальным... Прикончив угощение, я свернулась калачиком подальше от зияющей пропасти края. Воздух не сопротивлялся, вдыхался свободно, обжигая лишь самую малость. Боль притупилась, стала привычной. Я закрыла глаза, наслаждаясь темнотой и проваливаясь в сон – обычный сон, без ерунды и подвохов. Мысли, наконец, выстроились в очередь, прекратили ускользать и пререкаться. Дальше дело техники – хватать за хвост первую, и держи. Я знаю, зачем я здесь. Мне надо поторопиться.

Я должна ее найти.

Ее...

Глава 2

Лейка

Темнело так стремительно, словно тьма хлынула в одно мгновение и растеклась всюду: по небу, улицам, дворам. Октябрь. В домах зажигались огни, желтый свет фонарей дрожал на мокром асфальте. Ветер шуршал листьями на козырьке крыльца, в форточку горьковато тянуло дымом костра, осенней холодной сыростью и жарящимся на углях мясом. Нина позавчера рассчитала очередного повара и теперь развлекалась готовкой на всю семью. Приступы ее кулинарной активности длились обычно недолго – от увольнения одного работника до найма следующего. Сегодня в меню экзотика: костер, шашлыки и печеная картошка. «Шашлык женских рук не терпит» – всплыла в голове фраза из старого фильма.

Я закрыла форточку, задернула занавеску. В дверь нетерпеливо поскреблись, в проеме возникла довольная веснушчатая физиономия. Вся в саже и копоти.

– Мясо сторело, мы его выкинули, а картошку в костре вообще не нашли. Мама пошла варить макароны, – Артем потер щеку, оставляя грязные разводы. – Айда ко мне, еще потренируемся!

– А ты бардак убрал?

– Почти...

Увидев это «почти», я только покачала головой. Не детская, а полигон: брошенный посреди ковра радиуправляемый танк, армия роботов из конструктора в куче деталей, которые не казались лишними. Оборванный плакат с каким-то монстром, баррикада из диванных подушек, горстка дохлых мух на столе.

Отмытый хозяин прочесал цепким взглядом комнату и разочарованно вздохнул.

– По-моему, это все, – он подцепил двумя пальцами последнюю жертву и бросил в общую кучу. – Других нет.

Вот и отлично! Осень в этом году выдалась длинная и теплая. Мухи, осенние, тяжелые и ленивые, то исчезали, то снова появлялись в доме. С назойливым гулом медленно кружили в лужицах солнечного света, сонно чистили крылышки и кусались. Артем носился за ними по всем комнатам, выслеживал, дожидался, пока те сядут и... Капля прицельно выпущенной тьмы мгновенно гасила крошечную искорку энергии. Идеальная мухобойка. Еще бы выкидывал сразу, а не таскал к себе на стол.

Способность Вестников уничтожать чужую жизненную энергию обнаружилась случайно, и не самым приятным образом. Три месяца назад, в Испании, он убил человека. Пусть неумышленно и защищая меня, но убил так же легко, как сейчас муху. Я тогда ужасно испугалась за Артема, но тот, по-моему, так до конца и не понял, что произошло. Воспринял случившееся как очередную компьютерную игру. Был враг, был аналог кнопки «победить». Он ее нажал, уничтожил врага и спас принцессу. Глупо кричать про аморальность поступка, прекрасно зная, что эту кнопку придется использовать еще не раз. Выбора нет: или долгожители нижнего Потока убьют Артема, или он их. И лучшее, что я могу сделать – научить его не только держать опасную силу под контролем, но и пользоваться ею.

Кстати, я уже сталкивалась со сжиганием жизненной энергии. Там, в первородном мире, в пещере, где тьма едва не прикончила меня, я и подумать не могла, что передо мной второй Вестник. Около пяти тысяч лет назад несколько одаренных убили его, захватили часть нижнего Потока и переселились туда, обретя подобие вечной жизни, а смерть Вестника, вызвавшая мощный выброс энергии, привела к возникновению в Потоке первого мира-воспоминания. Мирозданию их игры с вечностью аукнулись. Поток слабеет, и только Вестники способны восстановить баланс, уничтожив захватчиков. Судя по пятидесяти мирам – это уже не Поток,

а мавзолеей. Артема в этом списке не будет! Не знаю, каким образом сугубо энергетические личности могут добраться до него в реальности. Но выясню. А пока – тренировки. Закончатся мухи – тараканов разведу. Нужно поискать в Интернете, как их разводят...

– На сегодня хватит, – я потрепала Артема по голове, он сгреб трофейную кучку мух в вазу из-под конфет. Надо не забыть ее выкинуть потом. Вместе с вазой... – Молодец. Направленно гасить энергию отлично получается. Пора усложнить задачу.

– Да! – Его глаза азартно загорелись. – Давай в тропики слетаем! Я читал, там та-а-акие мухи, во! – Он развел руки на целый метр и восторженно вздохнул.

Всю жизнь мечтала... Нет уж, лучше тут. Тараканы, действительно, выход.

На столе истошным писком зашелся телефон, дребезжа и подпрыгивая. Черт, каждый раз вздрагиваю от этого вибровывоза! Я подхватила надрывающуюся трубку и замерла, не веря своим глазам. Номер, тот самый номер... Да ну, глупости! Мало ли чего могут хотеть в клинике. Оплата не прошла, очередные бумаги подписать требуется. Или разрешение на смену лекарства. Им невдомек, что лечить нечего...

– Валерия, добрый вечер, – вежливо сказали из трубки. Главврач? – Я по поводу Софии. Вы только не волнуйтесь, но она... Она ушла.

Ушла?! Я ослышалась... Наверняка ослышалась. Или в клинике что-то перепутали. Потому что такого не может быть!

– Погодите... – Язык едва слушался, в ушах нарастал тонкий звон. – Как это?..

– Около часа назад, одна, через главные двери. Мы только что заметили ее исчезновение...

Голос в трубке продолжал бубнить что-то про форс-мажор, внутреннее расследование и виновных, что будут наказаны... Я обессиленно опустила на край дивана. Слово «ушла» эхом отдавало в глубину сознания, звон нарастал. Сосредоточиться! Сонину энергию я не спутаю ни с чьей, никогда. Но ее не было. Нигде в городе и за его ближайшими пределами.

– Мы ее ищем, – прорвался голос главврача, – и хотели бы подключить полицию.

– Не надо полицию! – Я сжала телефон до боли в пальцах. Он казался обжигающе горячим. – Еду к вам.

Что происходит?.. Это нереально. Совершенно нереально. Я все выдумала, в очередной раз заблудилась в собственных фантазиях. Надо вдохнуть, просто глубже вдохнуть...

– Лейка, ты чего?

Меня дергали за руку, испуганно заглядывая в глаза. Нос в рыжих веснушках, пятнышко сажи на виске. Артем... Я медленно выдохнула и прижала его к себе, набрала номер, выглядывая через плечо – на память, по циферке.

– Она вернулась, – прошептала я, едва дождавшись ответа. – Кажется... Похоже на то. Не уверена.

– Так. А теперь еще раз, по порядку.

– Мне из клиники позвонили, – ровно выговорила я. Руки предательски дрожали. – Соня от них ушла. Но я ее не вижу. Подробности не знаю. Сейчас поеду туда выяснять...

Артем ахнул и высвободился, стало холодно. В трубке повисла тишина, лишь вдалеке, на том конце, раздавался невнятный треск.

– Я ее тоже не вижу, – мрачно сообщил Паша. – Вместе выясним, заеду за тобой. Дождись меня, скоро буду.

Я кивнула, словно он мог меня видеть. Телефон выскользнул и беззвучно приземлился на диван.

– Офигеть! – выпалил Артем, возбужденно сверкая глазами. – Твоя подруга очнулась?! На самом деле? По-настоящему? И потерялась?..

Кофе. Мне нужен кофе.

На кухне Нина колдовала у плиты, гремя посудой, Арина с постным лицом терла сыр. Артем носился между ними, с сочным хрустом жуя яблоко, а я цедила по глотку терпкую горечь и разглядывала календарь на стене. Четыре. На прошлой неделе было ровно четыре года, как ее нет. Сколько раз я представляла себе этот звонок? Десятки, сотни, тысячи. Проигрывала в голове, понимая, что этого никогда не будет, не случится. Спала в обнимку с телефоном, особенно первый год, боялась пропустить, не услышать. Ждала, а сама не верила. Ни на секунду не верила.

Она очнулась. Пришла в себя, иначе бы не сбежала из клиники. Все эти годы Соня даже в коридор выйти не пыталась. Раскрашивала картинки, говорила что-то бессвязное, насвистывала незатейливые мелодии. Но чаще всего молча сидела и смотрела в одну точку. Любая прогулка заканчивалась, даже не начавшись. А тут взяла и ушла. Это не случайность. Точно.

По спине пробежал озноб, я поставила чашку на стол и обхватила руками плечи. Артем подкрался сзади, крепко обнял.

– Найдется, – прошептал он, щекоча рыжей челкой мой локоть. – Обязательно. Если что, я помогу!

Я зажмурилась и чмокнула Артема в макушку, позволив этому чудесному теплу окутать себя целиком. Найдется... Но где она? Почему ее не видно, черт возьми?.. Спокойно! Если она только что вернулась из Потока, энергия могла не успеть восстановиться до конца. Надо выяснить, сначала надо все выяснить. Выводы – потом!

– Ужин будет готов через десять минут! – Нина звякнула крышкой и ревниво добавила: – Артем, иди мой руки!

Ну да. Артем мой руки, а Арина будет есть грязными. Ничего не меняется. Я допила кофе, сполоснула чашку и тут же почувствовала приближающуюся энергию – мощную, знакомую. Вовремя!

– У меня дела, – сказала я Нининой спине. Арина меланхолично сунула остаток сыра в вазу с фруктами, Артем подмигнул. – Не знаю, когда вернусь.

С улицы настойчиво просигналили, Нина с любопытством выглянула в окно и снисходительно кивнула. Машина стояла прямо за воротами, блестя красными боками в обманчивом свете фонарей. Я забралась на переднее сидение и пристегнулась.

– Ты как? – тихо спросил Паша.

В полумраке салона он наполовину сливался с тенью и казался совершенно спокойным, если бы не рука, слишком крепко сжимавшая руль. Переживает? Не ожидала.

– Нормально, – я нетерпеливо посмотрела на мобильный. Не может быть! Мне звонили всего полчаса назад, а кажется, что прошла целая вечность. – Да поехали уже!

Паша молча отвернулся и рывком тронул машину с места. Отчетливо засквозило напряжение. Я откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. Успокоиться... Срочно успокоиться! Дышать глубже, не паниковать на каждой остановке светофора, считать на ощупь звенья на цепочке браслета. До клиники хватит. Я нужна Соне в ясном сознании, а не в истерическом припадке.

Артем прав. Это не должно быть плохо – то, что случилось. Я ведь ждала подобного звонка. Очень. И вот, сегодня дождалась. Мечты сбываются! Только почему-то совсем неправильно...

За кованым забором – два этажа каменной громады, знакомое крыльцо и подсвеченная табличка у дверей. Паша пропустил меня в холл и зашел следом, аккуратно прикрыв двери. Шевельнувшийся было охранник вновь слился с интерьером, администратор у ресепшена выдала приветливую улыбку.

– Добрый вечер, – она убрала за ухо кудряшку и вышколенно отрапортовала: – Вас уже ждут. Пожалуйста, проходите.

– Успеется, – Паша по-хозяйски облокотился о стойку. – Это вы дежурили, когда София Максимова ушла?

– Не мы! – торопливо открестилась девица и махнула рукой в сторону гардероба. – Они!

Оттуда тотчас донесся вскрик и недовольное бурчание. На маленьком диване в углу гардеробной сидели рядом бледная девушка с заплаканным лицом и мужчина средних лет в форме охранника.

– Это вы Соню выпустили? Или куда-то отлучались вечером? – с порога спросила я.

– Нет! – мужчина воинственно встопорщил седые усы. – Мимо нас гражданка Максимова не проходила. И пост мы не покидали. Точка!

Девушка согласно кивнула. Ее эмоции запульсировали обнаженным комком нитей, четко блеснули жалость к себе вкупе со стремлением поплакаться. Значит, Паша за нее взялся...

– Видели мы вашу Софию, – она стиснула в ладонях мокрый платок с пятнами алой помады и шмыгнула носом. – Она из коридора появилась, я пошла к ней, узнать все ли в порядке. Потом свет – раз! – и погас. Недолго, на секундочку. А когда снова зажегся, ее не было. Думаю, испугалась и обратно убежала. Неудивительно – мне и самой как-то не по себе стало, хотя я темноты не боюсь. – Девушка дернула охранника за рукав. – Ну, скажи, у тебя то же самое было!

– Ну, было, – пробубнил тот, демонстративно сложив руки на груди. – Может, давление скакнуло. Или магнитная буря. Но вот что я вам доложу: за секунду Максимова весь холл пересечь не успела бы. Еще и во тьме крошечной. Не кошка!

Их в чистый Лектум выкинуло! Оттого и темнота. Это не ошибка и не случайность. Соня очнулась. Действительно очнулась. Добралась до холла, использовала дар. Без сомнений! Она здесь... Где-то рядом... Вот только я по-прежнему не вижу ее в городе.

– Другой выход есть? – Паша выглянул в холл.

– Есть, – встрепенулся охранник. – Но он в пять часов запирается и опечатывается.

– Камеры?

– Над парадным входом, с улицы, – усы одобрительно шевельнулись – В холле нерабочая.

– Камеры, камеры... – девушка заплакала, – дурацкие эти камеры. Сказали, на записи видно, что она вышла через главные двери. Но как?! Мы же не сошли с ума вдвоем?

– Никто не верит, – тоскливо вздохнул охранник. – Говорят, или мы ее выпустили с непонятной целью, или прозевали. Неизвестно, что лучше. От работы отстранили – на время расследования. А... – он безнадежно махнул рукой. – Уволят, точно. И разбираться никто не будет. Где я еще такую работу найду, в моем-то возрасте?

– Еще и пальто украли... Оранжевое... Мое любимое... С большими карманами, – девушка уже скулила, как потерявшийся щенок. – Нет, тут дело нечисто... Мистика какая-то.

– Мистика? – Паша вопросительно изогнул бровь и вытащил совсем другую нить из клубка. Судя по освободившейся вспышке спокойствия, решил отыграть назад. – Не нужно валить все в кучу. Скорее всего, Соня выбралась одной ей известным способом, она мастер на подобные штучки. Пальто у вас украли, когда свет потух, ту женщину на выходе и зафиксировала камера. Там же лица не видно?

– Не видно, наверное...

Парочка с дивана смотрела на Пашу полными надежды глазами.

– Не переживайте, – спокойно продолжил тот и потянул меня в коридор. – У нас к вам претензий нет, думаю, все закончится благополучно.

Умный ход. Соня применила дар, и привлечь лишнее внимание нам ни к чему. Конечно, в Пашиной теории полно нестыковок, но для начала сойдет, а дальше они сами придумают логичные объяснения.

Кабинет главврача словно завис во времени, оторвавшись от остального ультрамодного интерьера, и напоминал уютную советскую комнату. Два книжных шкафа на ножках, следом

– забитый пухлыми папками секретер. Широкие кресла с ткаными накидками, между ними оранжевый абажур торшера с теплым неярким светом. Только сейчас до меня дошло, почему мне тогда понравилась именно эта клиника. Главврач, седой старик профессорской наружности, жестом предложил сесть, не отрывая трубки от уха. Он прихлебывал чай из шерботой чашки и молча кивал, словно собеседник мог его видеть. Свернув разговор, старик устало потер лоб, очевидно, собираясь с мыслями.

– Покажите нам запись, – тихо попросила я, опускаясь в кресло.

Он снова кивнул и развернул монитор. Знакомое крыльцо на экране. Хрупкая, болезненно худая фигурка в распахнутом оранжевом пальто, появившаяся из дверей. Девушка стояла вполборота, длинные светлые волосы прикрывали спину, а челка – лицо. Но я знала наверняка – это она, Соня. Я бы не спутала ее ни с кем, ни за что. Сердце гулко стукнулось о ребра, я подалась вперед, стараясь ничего не пропустить. Вот она шатнулась, вытерла что-то с подбородка. Кровь! Всегда у нее кровь из носа текла, от любого напряжения. Достала что-то из кармана, закинула в рот. Спустилась по лестнице, потопталась в луже. Ушла... Ночью, осенью, в больничных тапочках.

Паша вполголоса обсуждал что-то с главврачом, часы над их головами гулко тикали, отщелкивая минуты. Я не сводила взгляда с давно потемневшего монитора. Дура. Круглая. Как я себе представляла ее возвращение? Что Соня чудом вырвется из нижнего Потока, придет в чувство и будет покорно дожидаться меня, сидя в палате? Ну-ну! Да она никогда не могла даже очередь в магазине спокойно достоять. Обязательно лезла вперед. Нужно найти ее, и как можно скорее! Пока она во что-нибудь не вляпалась.

Торопливо подписав ворох бумаг, подsunутых Пашей, я выскочила за дверь и едва не налетела на... Аниту. Розовый беспорядок на голове, кружевная мини-юбка, колготки с кошачьими мордами на коленках, – куратор из Совета, собственной персоной. Не скажу, что сейчас рада ее видеть.

– Приехала, как только узнала... – выпалила она. Что-то слишком быстро узнала. Выходит, у них есть свои люди в клинике. – Лера, ты в порядке?

– Да. Охранник и администратор тоже, мы их проверили.

– Медсестре повезло меньше, – покачала головой Анита. – Ее госпитализировали два часа назад. Обморок, проблемы с памятью, паника.

Еще и медсестра. С явными признаками насильственного проникновения в подсознание. Ну почему не обошлось без жертв?..

– Раз паникует, значит, очнулась, – раздался над ухом голос Паши, я вздрогнула. – Проблемы с памятью – это прискорбно, но нам на руку, остальное вылечат. И вряд ли свяжут ее обморок с пропажей пациентки. А дежурившая у дверей парочка уверена, что просто выключался свет.

– Соня была напугана, – выдавила я. – Не осознавала, что делает...

– Поэтому ее надо срочно разыскать, – вкрадчиво произнесла Анита, – пока больше никто не пострадал. Есть идеи, почему энергетический отпечаток не отсвечивает?

– Ни одной, – призналась я. – Может, последствия долгого пребывания за границей?

Или отсвечивать уже некому. Эта мысль настолько пугала, что даже думать об этом не хотелось, не то что озвучивать.

– Куда Соня могла пойти? – мягко спросила Анита.

– Куда угодно, – опередил меня Паша. – По идее, она сейчас плохо соображает, чисто на рефлекс действует. Стоит последить за всеми странными случаями в городе. И покараулить ее квартиру в центре – ключа у Сони нет, но вдруг...

– Ясно, – Анита задумчиво подергала розовую прядь и с надеждой взглянула на меня. – Я задействую все возможные средства. Обещаю, если мы найдем Соню, ты узнаешь об этом

первой. Зла ей никто не желает. Если поймешь, где она, или хоть что-то выяснишь, скажи мне, хорошо?

Я кивнула, отвернулась к окну. На запотевшем стекле расплывался желтый свет одинокого фонаря. Соня любила рисовать на стеклах. Выводить узоры, выписывать диковинные знаки. Говорила, что так рождаются истинные шедевры – секундный порыв, без права на ошибку, уникальная картинка, какую не повторишь, и жизнь на мгновение. На мгновение...

Я развернулась и пошла прочь.

В машине было тепло и сухо, сыто урчал мотор, Паша молча смотрел на дорогу. Ночной город жил своей жизнью, в домах загорались и гасли огни, спешили прохожие. И где-то в этой суете была Соня. Одинокая, напуганная, в чужом пальто и больничных тапках. Ужасно хотелось что-то сделать, что угодно, лишь бы найти ее. Вот только что? В голове метались мысли, но внятной не было ни одной. Лишь когда за окном замелькали знакомые двухэтажные дома, я поняла:

– Хочу домой.

Паша невозмутимо развернул машину. Я отправила Артему сообщение, что сегодня не вернусь, получила в ответ грустный смайлик, и всю дорогу бездумно глядела в окно, пока не показался родной двор. Приземистая пятиэтажка, деревья со спиленными ветками, лавочки и огороженные аккуратными заборчиками клумбы. Здесь ничего не меняется. Хорошо...

Я отстегнула ремень, потянулась к ручке дверцы.

– Остаться с тобой? – бесцветно спросил Паша.

– Нет. – Глухой щелчок, шаг наружу. – Мне надо побыть одной.

И подумать. Мне очень надо подумать. Ветер в лицо, мельтешение черных теней на асфальте. В подсохших лужах расплзлась грязная муть, через форточку на первом этаже долетал шум телевизора. Машина не тронулась с места, пока я не закрыла за собой тяжелую дверь подъезда.

Дома было темно и душно. Я прошла в комнату, на ходу раздеваясь и включая везде свет. Открыла окно, впусив свежий воздух, закуталась в найденный в шкафу свитер и села на диван. Когда-то давно мы условились с Соней – если что, встречаться в том мире, с водопадом...

Вдох через силу, нырок в размеренно текущую энергию. Потолок рухнул, стены стекли вниз и впитались в землю, сквозь ковер проросла трава. Блики солнца в реке, дальний гул скрытого туманом брызг водопада, зависшая над ним радуга. Сони не было. Я стряхнула с плеча бабочку и бессильно опустила на траву. Только сейчас поняла, что неосознанно, весь этот сумасшедший вечер, я надеялась увидеть Соню здесь. Подождать? Глупо. Она не придет. Потому что не помнит. Или не может прийти. Подступил страх. А что, если у Сони была лишь вспышка осознанности, ненадолго проснувшийся рассудок? Как у того попавшего в ловушку испанца, который необъяснимым образом очнулся на пару мгновений, переполошив половину клиники. Возможно, Соне просто досталось побольше времени. Несколько минут, достаточных для того, чтобы сбежать. А дальше – все, обратно в то кошмарное состояние, когда она не здесь, не со мной, и ее будто вовсе нет... Чем дольше я думала, тем упорнее верилось, что Соня сейчас бродит где-то, потерянная и совершенно беспомощная. А я сижу, гоняя мысли по кругу. Да каждая минута на счету! Мерный выдох, рывок прочь. На поверхность, к обрастающим обоями стенам. Бабушкина квартира, это точно. Никаких ловушек.

Под окнами завывала сигнализация, пальцы заледенели. Я смогу. Справлюсь. Других вариантов нет, и быть не может. Кроме меня, Соне помочь некому. Я должна найти ее раньше Совета. Раньше всех. Но как?!

Потревоженная кем-то машина замолкла, тут же зазвонил мобильный.

– Ты где? – обиженно поинтересовался Влад. – Сказала вчера: «Заезжай вечером, во сколько удобно, планов нет». Ну и?..

Точно. Он хотел отдать деньги за аренду квартиры, а я не собиралась никуда уходить.

– Извини, – я постаралась справиться с навалившейся отовсюду тяжестью, – зря приехал.

– Понял уже, – пробормотал он. – Что случилось?

– Все в порядке, – медленно выговорила я, тщательно расправляя салфетку дрожащими пальцами. – Давай не сегодня, как-нибудь потом.

И бросила трубку, не дожидаясь ответа. Нужно успокоиться. В таком состоянии я скорее сама потеряюсь, чем найду Соню. Я захлопнула форточку, прошлась по квартире, пытаюсь согреться и загнать чертову панику в самый отдаленный угол сознания. Схватила тряпку, чтобы вытереть пыль и положила ее обратно. Только уборки мне и не хватало. Сварила кофе и выпила. Не спеша, глоток за глотком, наслаждаясь обжигающей кофейной горечью и стараясь не смотреть на оконное стекло с мутным отпечатком пальца. Помогло. Во всяком случае, согрелась. В тот же миг повеяло знакомой энергией, в коридоре раздалась птичья переливчатая трель. Что?..

Я выскочила в коридор и распахнула дверь. На пороге топтался запыхавшийся Влад, полыхая тревогой, словно маячок на полицейской машине.

– Слава богу, – выпалил он. – Что стряслось?

– Как ты тут оказался? – недоуменно спросила я.

– Приехал!

Я выдохнула, отступила на шаг. Влад ворвался внутрь, заглянул в комнату и на кухню, настороженно крутя головой, и, наконец-то, захлопнул входную дверь.

– Ты не вовремя, я...

– Не вовремя? – перебил Влад. – Да ты голос свой слышала?.. Я таксиста всю дорогу в спину тыкал, чтобы гнал быстрее. Он меня чуть из машины не выкинул!

– Просто я занята. Соня ушла из клиники, буквально несколько часов назад.

– Чего?! – округлил глаза Влад. – Серьезно?.. Сама?! Выходит, она...

– Вернулась из Потока, – вяло кивнула я. Голос предательски дрогнул, – или ненадолго пришла в себя. Энергетического следа не видно, но мало ли почему... Не знаю. Надеюсь, она где-то в Москве. Собираюсь на поиски.

– Я с тобой! – заявил Влад. Присущая ему легкость куда-то испарилась, словно гелий из воздушного шарика. – Помогу.

– Нет.

– Одну не отпущу! – отрезал он. – Если хочешь, я могу сделать вид, что ушел, и буду таскаться за тобой тайком. Но все рано не отстану. Ночь все-таки. В новостях про какого-то маньяка пишут!

Нашел причину. Будто я не смогу сама за себя постоять. Дурные намерения за версту чую, и одной силы мысли достаточно, чтобы кого угодно отправить отдыхать до утра.

– Мешать не буду, – пообещал Влад. – Если скажешь – сразу уйду.

– Говорю.

Влад упрямо сложил руки на груди. Стало ясно – спорить бесполезно. И некогда.

– Ладно... – Я шагнула в комнату. – Иди вниз, вызови такси. Через пять минут спущусь.

Влад моментально исчез, по лестнице пробухали торопливые шаги, внизу хлопнула дверь. План был прост – проверить несколько мест, и начать с Сониной квартиры. Я достала из шкафа деревянную шкатулку, а оттуда – связку ключей с брелоком в виде красного прозрачного сердечка. Выцветшие блески, бока в царапинах, затертые буквы. Соня не любила старые вещи, но брелок раньше был мамин, когда-то очень давно, в другой жизни. До того как... В шкатулке лежало еще одно сердечко, точнее, его половинка, с рваными кривыми краями. Потемневший металлический кулон на золотистом шнурке. Мой. Соня подарила, на вторую неделю нашего знакомства. Друзья навсегда, две идеально подходящих друг другу половинки единого целого. Вот только где вторая?

Под окнами коротко просигналило такси. Влад в курсе, что почти полночь? Или опять проблемы с таксистом? Торопливо сунув кулон в карман вместе с ключами, я накинула пальто и захлопнула за собой дверь. Соня жила на окраине, в одном из тех районов, где пока еще много места, зелени и света. Череду уходящих в небо высоток вдоль реки завершала Сонина, в сорок пять этажей. Квартира, естественно, на последнем. Она часто говорила, что ближе к звездам дышится легче. Мне дышалось как обычно, но постоянно казалось, что гигантский дом слегка покачивается. Особенно в ветер.

Лифт полз наверх целую вечность, открывать дверь пришлось Владу – замок давно срабатывал через раз, а сегодня его основательно заклинило.

Влад щелкнул выключателем и озадаченно хмыкнул. Неудивительно. Квартира была такая же взбалмошная, как и ее хозяйка: умопомрачительные обои с бисером и недоклеенный плинтус в коридоре, чудесная винтажная кухня с жуткой электрической плитой, добытой где-то в трудные времена. В ванной – незапирающаяся душевая кабина, прозрачная раковина, пачкающаяся от каждого прикосновения, и роскошный смеситель в виде лебедя, который, правда, не работал. Что-то прикрутили неправильно, а Соня поленилась чинить, в итоге чистила зубы прямо в душе. В единственной комнате – зеркальный потолок, панель во всю стену для рисования маркером. Сделанный на заказ шкаф с изящным узором на ассиметричных дверцах и икеевские стеллажи, кожаный автодиван и обыкновенные деревянные табуретки. На стенах акварельные водопады вперемешку с картинками из журналов. В шкафу – урванные на распродажах футболки, потертые джинсы и платья безумно дорогих брендов, копеечные кеды и туфли, на которые было спущено три зарплаты. В этом вся Соня. Один критерий – чтобы «пропищало». И неважно, вещи это, работа или личная жизнь. Она могла бросить хорошую должность ради случайного заработка, если там было интереснее. Рвала любые отношения на пике, чтобы не стало скучно, особо не заботясь о чьих-то чувствах. Ремонт в квартире начинался с завидной периодичностью и глох, как только у хозяйки пропадал кураж. До ума Соня довела лишь огромную лоджию – сразу, на одном дыхании. Там ничего не было, кроме россыпи подушек на теплом полу. Можно было лежать в любую погоду и просто смотреть в небо сквозь прозрачную полукруглую крышу, или разглядывать с высоты птичьего полета город за витражными окнами. Впрочем, именно из-за лоджии Соня и купила эту квартиру, как только получила право распоряжаться наследством родителей. Денег хватило впритык, и первое время вместо мебели всюду валялись горы коробок с неразобранными вещами. От помощи она отказывалась, жила фактически на балконе и выглядела совершенно счастливой. Последние четыре года я бывала тут раз в месяц – забирала счета и делала уборку.

Пока Влад бегал по квартире и приятно удивлялся, я перевела блокнот в ворох записок для Сони с просьбой немедленно позвонить и моим номером телефона. Одну прилепила на входной двери, вторую в лифте, третью под домофоном. Остальные спрятала в сумку. Пригодятся. Впереди – целая ночь. Мы заехали в ее любимое кафе, кинотеатр, фитнес-клуб, куда она таскала меня на занятия танцами, на набережную к увешанным грудой металлолома «деревьям любви». Я старательно высматривала кругом хрупкую потерянную блондинку и сверкающий частичкой солнца огонек. Тщетно. Говорят, даже в Москве двое могут встретиться друг с другом случайно, сами по себе, просто столкнуться где угодно. Вот бы нам такую же счастливую встречу, всего одну.

...я сижу на подоконнике, обняв колени. Стоять еще тяжело, а все кресла в приемной заняты. Через открытую форточку проникает ветер, треплет волосы. Ожидание раздражает, хотя знаю – сама виновата. Не стоило приходить в этот психологический центр раньше назначенного времени. Или вообще приходить не стоило. Подумаешь, позвал какой-то старик. Слишком многое им было обещано, чтобы оказаться правдой.

За окном – зеленые кусты и солнце, но неожиданно оно меркнет, становится бледным. Сзади раздаются шаги, наливается удивительный свет, стократ теплее солнечного. Чья-то ладонь ложится мне на плечо, бесцеремонно отодвигает в сторону. Девочка с забранными в хвост светлыми волосами дышит на окно, выводит что-то пальцем на запотевшем стекле. Мгновение спустя вижу ее улыбку и криво выведенное «привет».

– А сказать нельзя было? – удивляюсь я, глядя на исчезающие буквы.

– Ну... Ты же не хочешь ни с кем разговаривать.

Я молчу. Понятия не имею, что ответить. Она сияет так ярко, что кажется ненастоящей. Хочется ее коснуться, проверить. Но это было бы странно. Мы ведь совсем не знакомы.

– Лейко! – зовут из приемной. – Проходите. На четвертый этаж.

– Как-как? – весело переспрашивает девочка. – Это имя? Лейка?

– Нет, неправильно, – мотаю я головой. – И это фамилия. С чего бы кого-то так глупо звали?

– А мне нравится, – смеется она.

Настолько звонко и заразительно, что я понимаю – кажется, мне тоже нравится. Немножко, самую капельку. Наверное...

В небе нежно-алым пылал рассвет, прохожих заметно прибавилось. Я шагнула прочь от набережной, заглянула в телефон. Половина восьмого утра. Влад украдкой тер глаза и пытался изобразить бодрость.

– Тебе на работу не пора? – задала я вопрос на засыпку.

– Ерунда, – отмахнулся он, отчаянно стараясь не зевнуть. – Позже приду.

– Езжай домой, отдохни. А я проверю еще пару мест.

Город пробуждался, воздух плотно наполнялся энергией, чужими эмоциями и привычной тяжестью.

Следующее такси отвезло Влада домой, а меня – в планетарий. В конце концов, она всегда любила звезды...

Глава 3

Соня

Мир шумел, тасуя разноцветные картинки, набрасывался запахами и прикосновениями. Эмоции липли, звенели. Гул улиц, мельтешение вывесок, сияющие провалы окон. Выхлопы машин, привкус суеты, чей-то пакет в толпе острым краем царапнул ногу... Боль – это хорошо, это настоящее. Прожженная яркими огнями темнота, суматошный перекресток, пьянящее ощущение свободы. Иди куда хочешь. Вокруг сотни путей и входов, разбросанных хлебных крошек, паутины связующих нитей. Главное, суметь рассмотреть. А то засыпаешь – ночь, просыпаешься – ночь... Уже следующая, но все же. Время поджимает. Не помню почему.

Инночкины сапоги гулко цокали каблуками по брусчатке, под пальто – теплое платье. Тоже Инночкино. Вязаный круглый воротничок, широкая короткая юбка. Немного детское, но единственное, что подошло по размеру. Внизу плескалась мутная вода, мост продувало насквозь. Посередине боевым ирокезом торчал ряд кованых деревьев, облепленных громадной кучей замков. Всяких. Маленьких, больших, разноцветных, с бантиками, ленточками, новых и старых. Старых больше. Облупленных, ржавых, с выцветшими лентами и стертыми надписями, от чего вся выставка любви сильно смахивала на свалку утиля. Символично. На ощупь замки скользкие и холодные. Некоторые тяжелые, очень. «Марина и Сережа» усыпанные сердечками. «Костя и Тамара» в обрамлении черных атласных розочек и кружавчиков. На амбарном маркером: «Саша + Женя». Брутально, да... И кто из вас кто? «Леся + Зайка». Как мило. Особенно бантик из полицейской ленты. «Денис и Кристина, вместе навсегда», тянут на пару килограммов. Правда, заржавели слегка. Путь любви, как он есть. очередное – золотое, с лебедем, «Лера и Паша». Что-то знакомое. Надо сосредоточиться. Просто сосредоточиться и вспомнить. Хотя бы что-нибудь. Пальцы заледенели, замок выскользнул, брякнув о металлическую ветку. Настроение испортилось.

Ветер захлопал полрой пальто, мазнул по голой коже над чулками. Бр-р-р... Вперед и поскорее. За мост, в тихую аллею. Не буду сворачивать ни за что! Только прямо – по засыпанным гравием дорожкам, через низкие ограды и кучи желтых листьев. Что тут у нас? По газонам не ходить? А хрен вам. Этой пожухлой травке хуже все равно не будет. Финальный прыжок через забор, и... Переливы музыки, густой дым, очередь на входе. Хочу внутрь!

Накачанные мордатые охранники у широких сверкающих дверей – по одной морде на каждую створку. Пожалуйте в Лектум, господа! Выкатить полотно всегда легко, заполнить красками – сложнее. А нужными красками – та еще задачка. Но кто бы проверял? Отодвинутые с пути девицы шипели вслед, искрили злостью. Спокойно, детки, а то короткое замыкание будет. И руками не хватайте. Не люблю! Охрана бдительно пялилась в никуда. Правильно. Меня нет. Точнее, они думают, что нет. А это почти то же самое. Теперь пролезть под заградительную цепочку и в арку. Вуаля! Пардон, забыла... Отправленный в толпу воздушный поцелуй, бабий бунт у входа и выдернутые из сна охранники «какая-токая-девушка». Вот теперь – вуаля!

Администратор, гардеробщица – в Лектум. Как полоса препятствий со счетом 3:0. Очухались? Отлично! В зале грохотала музыка, беспорядочно металась лучи. Свет, яркий. Приятно тонул в темноте, вспыхивал и беспомощно гас, выхватывая лишь неразборчивые силуэты и зависшие в воздухе пылинки. Тяжесть стучалась в виски, неотвратимо надвигалась, будто ползущий вниз потолок. Расплющит непременно, но не сейчас. В голове щелкал таймер – отсроченный сигнал тревоги. Срабатывания лучше не дожидаться. Успею! И вовремя улизнуть, и вообще...

Театр начинается с вешалки, а мужик начинается с задницы. Стопроцентно! По крайней мере для меня. Если там что-то худосочно-невразумительное, или, наоборот, рыхлое и расплывчатое – выше можно не смотреть. У качка в дальнем углу с этим все было в порядке. Он как раз привстал и перегнулся через столик, что-то шепча на ухо томной девице. Та недовольно хмурилась, покачивая аккуратной ножкой в тонком чулке. Конечно, они вместе. Но когда меня это останавливало? Я протиснулась между столиками и подошла к ним. Качок с интересом повернулся, девица смерила меня надменным взглядом снизу доверху и поджала губы. Полыхнуло раздражением и враждебностью. Не беда, я знаю, что с этим делать. Приземлиться на соседний стул, улыбнуться. Я умею – главное тут глаза и наклон головы. Прекрасно помню, так и надо. Молчание, долгий взгляд глаза в глаза. Защита ее барьера дрогнула, поддалась. Алена, значит. Прогулки под дождем, кексы в фигурных формочках и туфли, масса туфель. Целая коллекция – три шкафа и тумбочка, давно перебор, а остановиться не получается. У нее много чувств, но чувства меры нет, не завезли. Мне нравится. Паршивое настроение мы изгоним, неуверенность спрячем поглубже, вместе с напряжением. Наконец – ответная улыбка, расслабленные плечи. А она красивая. Тень ресниц на нежной щечке, выбившийся из узла темных волос завиток. И ножки стройные, причем не худые. Редкость среди дохлых модельных лапок.

Качок поплыл сразу, даже стараться не пришлось. Сыпал историями о своей крутости, самодовольно поигрывая налитыми мускулами, лапал под столом мою коленку. М-да, тяжелый случай. Немного мозгов все же не помешало бы. Видно, когда бог их раздавал, этот в спортзале качался. Скучно... От Аленки потянуло обидой и тоскливой злостью. Стоп, детка! Зачем тебе этот блудливый козел? Прикосновение к ладони, сплетенные пальцы. Приятно заискрило оранжевым, бросило в жар. Мелодия... Медленная, сладкая и тягучая, словно мед. Я встала, потянула Алену за собой. Танцпол, сияние разноцветных лампочек на потолке. Вспышки света в полумраке. Губы у нее мягкие, теплые, пахнут летом и лимонным пирогом... Воздух тяжелеет, лилась музыка, длинная, бесконечная. Смех, щекотный шепот на ухо. И тревожная дрожь по спине. Я нехотя осмотрелась. Ага, зайка зол. То сразу две, то полный пролет. По-бычьему нагнув голову, качок расталкивал толпу локтями и пробирался к нам. Не проблема. Кого он задел по дороге? Вслед сердито тарачился блондин в очках. Посмотрим, где у нас тут агрессия? Глубоко и слабо. Так. Вытащить на свет божий, добавить импульсом. Подпитанный блондин хапнул качка за плечо и... ласточкой отлетел на ближайший стол. Тоже мне спаситель. Наверное, физкультуру прогуливал. Звон посуды, крики. Из-за стола поднялась группа поддержки. Да-да, драку заказывали! Эх, тиканье таймера в голове – настойчивое, опасное. Пора!

Относительно пустынная улица за клубом, жадный вдох полной грудью. Успела! Вприпрыжку. Еще бы немного и... Как же я люблю ощущение уплывающего последнего момента! Алена стояла позади, торопливо застегивая схваченный из гардеробной плащ.

– Как тебя зовут? – вдруг спросила она.

– Не знаю. Забыла.

Алена оторопело моргнула:

– Ты странная.

Я подняла голову к небу. Оно было темным, почти черным. Беспросветным. В висках раскатывалась и глухо билась боль. Откат... Пройдет. Зацокали каблучки, рядом коротко просигналило. Я обернулась. Алена стояла у двухдверной спортивной машины, подбрасывая в ладони ключи.

– Тебе куда? – поинтересовалась она.

– Совершенно некуда, – ответила я чистую правду. – Но я вспомню.

Алена хихикнула, приглашающе кивнула на машину. Почему бы и нет? За окном поплыли тротуары, смазанные вывески, светофоры. Скорость – черепашня. Ну кто так ездит? Я врубила музыку на полную громкость, откинулась на сиденье и закрыла глаза. Очнулась, когда потрясли за плечо. Видимо, приехали. Двадцать этажей? Неплохо. Втолкнула упираю-

щуюся Алену в лифт, мазнула по верхней кнопке. Второй этаж – неинтересно, лучше прокатимся. Захотелось забраться высоко-высоко, на крышу. Чтобы смотреть вниз, вокруг, куда захочешь, ловя порывы ветра и одуряющее головокружение. На чердачной двери замок. На совесть заперто и ключей нет. Облом. Ну что ж, второй, так второй. Без помады ее губы такие беззащитные, нежные, манящие... Не удержалась. Из лифта мы почти выпали. Алена трясущейся рукой с третьего раза попала в замочную скважину, на ходу сбрасывая вещи, скрылась в ванной. Из-за двери крикнула, что она быстро, а я, если хочу, могу покурить на балконе. Покурить? А я хочу? С любопытством огляделась. Скучный второй этаж – в окнах лишь кусок двора и намотавшийся на ветку мусорный пакет.

В спальне бабочки. Нарисованные на обоях, выстриженные из бумаги, прозрачные, облепившие абажур... Пестрая стайка примостилась на зеркало. Зеркало... Роскошное старинное зеркало в резной раме, покрытой паутиной кракелюров. Сквозь туманное стекло смотрит девица – очень бледная и худая. Русо-блондинистый спутанный беспредел на голове, отросшая до подбородка челка. Не я. Покрутиться, медленно повести плечом. Улыбнуться уголками губ, подмигнуть. Все равно не я. Рядом лежала косметичка, размером с чемодан. Выудила из нее ярко-красную помаду, обвела губы. Ну вот, другое дело. Теперь я. А аристократическая бледность всегда в моде! Отпечаток губ на зеркале получился четким и сочным. Еще бы свой номер телефона приписать, да не помню его...

Во второй комнате гардеробная. Множество вешалок, ящичков, и три шкафа, те самые. В каждом – рай. Туфли, босоножки со стразами и без, нечто из одних лишь ремешков... Ботиночки, полуботики, сапоги... Хм, а вон те мне нравятся. Высокие, на шнуровке. Надела – размер совпал. Ботильоны в углу тоже славные... Стоп, отвлекаюсь. Я шла курить на балкон! В третьей комнате, наконец, заветная белая дверь. А за ней – холодина. Хорошо, что пальто не сняла. Нет, это неправильно. Я точно знаю, что на балконе тепло, на полу – куча подушек, окна от пола до потолка, а за ними небо. Внизу, под ногами, немного невысоких домов, изгиб реки и парк. А тут что? Незастекленный закуток, втиснутая тумбочка со всяким хламом. Никакой высоты и вид на неухоженный двор, заставленный машинами. Только помойки не хватает. Я перегнулась через холодные перила и покрутила головой. Ну, вот и она. Помойка. Сразу за углом. Патлатый мужик вытаскивал из ящика набитые пакеты и деловито потрошил их: что-то совал в раскрытую сумку, остальное кидал под ноги. Ветер подхватывал мусор, с шуршанием гнал по асфальту. Ах ты...

Непроизвольно вскинутые руки и пронзительный свист в четыре пальца. Такой звонкий, что в ушах зазвенело. Я умею? Ничего себе! Бомж дернулся, крышка контейнера выскользнула и глухо стукнула по патлатой голове. Бум-м-м! Где-то взвывла сигнализация, бомжа сдуло. Видно, уже битый. На тумбочке, поверх старого календаря с Чеширским Котом, валялась пепельница в форме туфельки, рядом – зажигалка и пачка сигарет. Кстати... Я курю? Проверим! Щелкнуть зажигалкой, с эдакой хемингуэевской вальяжностью, прикурить. Затянуться, неторопливо выпустить дым. Раз, второй, третий. Ну, как-то никак. Не мое. Все-таки не Эрнест. А жаль. Сигарета недовольно зашипела в пепельнице, улыбка Чеширского Кота поехала в сторону, потянув за собой штампы месяцев, квадратики выходных... и год.

Год. Четыре блестящие цифры.

Не поняла...

Небо зашелестело, свет из комнаты потек к балкону. Что-то не то. Совсем. Неправильный год. Должен быть другой. Не этот! Сосредоточиться, присмотреться. Бесполезно, те же цифры. Стоят в обнимку, надсмехаются. Гадины упрямые! Свет перелился через порог, лавой потек по полу, протягивая ко мне когтистые лапки. Прямо как тогда, опять. Не хочу, не буду, не пойду!

Бежать. Вцепиться в бортик, перелезть через него. Высота – ни о чем... Ветер в волосах, сердце где-то в горле, хорошо-о-о. Козырек подъезда близко, рукой подать. Шаг по карнизу, прыжок. Свобода! Балкон позади, вместе с проклятыми цифрами и ядовитым светом. Я села

на край, свесила ноги. Боковая решетка? Отлично! Перевернуться на живот, теперь аккуратно вниз, нащупывая ступнями перекладыны. Посредине застряла – нога зависла над пустотой. Есть ли у вас план, мистер Фикс? Или так и будем висеть, пока не созреем и не отвалимся? Ни назад, ни вперед, голова над козырьком крыльца, пальто и платье чуть ли не на шее. Зато трусы красивые... Снизу кашлянули. Я вцепилась в решетку, осторожно выглянула. Застывшая у дверей парочка таранилась на меня двумя парами абсолютно круглых глаз: три глаза смотрели на мое лицо, один – значительно ниже, отчего взгляд у кавалера был как у палтуса.

– Какой сейчас год на Земле? – я покосилась на решетку. Упс... Что за изверг выломал все нижние перекладыны?

Девушка брезгливо принялась, кавалер моргнул и сфокусировался. Ответ мне не понравился. Зашибись! Календарь не врал.

– Ну? Так и будем стоять? – недовольно спросила я. – Может, джентльмен поможет даме спуститься?

Джентльмен отмер и сгреб меня в охапку. Морда – как вспотевший помидор, коленки трясутся. Да ладно, не настолько уж я тяжелая. Не мужик, мечта! Мягкое пузо, узкие плечи. Спортзал видел. Пару раз. По телевизору. К гадалке не ходи – мать печет пирожки, до сих пор зовет его «СЫночка» и подтыкает на ночь одеяло. Зря девушка ревниво шуруется, мне такое добро ни к чему.

Не удержал-таки. Ручки разжались, и я ускоренно съехала вниз. Хорошо хоть рост у него не ахти, а то бы каблук сломала. Сапоги-то на мне те самые, на шнуровке. Эх, Аленка... Наша встреча была короткой. Я задрала голову. Балкон опустел, свет сгинул без следа. Отпустило... Над крышей висело глубокое черное небо в щербинках звезд. Значит, я стала старше. Внезапно. Аж на четыре года, хотя их не помню. Ха-ха... Нет, не смешно.

– Э-э-э-э-эй! – крикнула я в бездонную чернь. – Засранец! Ты должен мне четыре года!

Дверь подъезда хлопнула, крыльцо опустело – девушка уволокла свое сокровище прятать. Я пнула подвернувшийся камень, он с глухим цоканьем покатился по асфальту. Продолжим? Я пошла вперед, футболя камень, а потом запела. Громко, от души:

*– Девушки, война, война
Идет аж до Урала...
Девушки, весна, весна
А молодость пропала!*

Странная песня. Откуда я ее знаю? Почему-то представлялся ковер на стене и черно-белый фильм в древнем телевизоре. Не люблю я старые фильмы. А она любит. Она?... Что-то крутилось в голове, что-то важное. Поманило и пропало. Нет, я должна вспомнить. Это просто, стоит только нащупать ниточку. Тонкий скользкий хвостик. Надо тянуть, пропуская через себя, сматывать в клубок. Он горячий, пульсирующий и безнадежно запутанный. Сознание плыло от беспорядочных картинок, отголосков фраз, размытых образов. Сама не заметила, как вломила в кусты на пустыре. Колючки, раздвинутые ветки, первый ряд, второй. Чертов лабиринт! К счастью, он не шипел, не шел полосами. Не сводил с ума рябью помех и звоном в ушах, как тот, без конца и края. Я была в нем... Там, за мутной воронкой, первобытной мощности порталом. Вернулась сразу, но обратно он не пропускал. Выхода не стало. Вопрос – какого дьявола он вообще открывался? Впрочем, потом ответ нашелся... А тогда путь оставался один – в глубину серых полос, бесконечно пересекающихся кривых дорожек. Теперь-то знаю – пройти его нельзя. Можно разнести в клочья, разбросать осколки защитной энергии и выбраться наружу. Можно, но не мне. Управлять нижним Потокom дано лишь тем, кто полностью свободен от реальности. То есть им... Встреть я в лабиринте кого-то другого, не его, меня бы сожрали и сказали, что так и надо. Повезло – там был он, за очередным поворотом.

Пришел проверить, кто с порталом балуется. Смотрел на меня задумчиво, с любопытством. А это лучшее чувство на свете, какое можно вызвать, если хочешь остаться в живых.

Дальше, за лабиринтом, был целый мир. Я догадывалась, что он есть. Обязан быть: раз существует граница, значит, существует и то, что стоит охранять. Но я даже представить не могла, насколько он потрясающ! Свободный, полный красок и ощущений. Огромный, вечный, сотворенный раз и навсегда. Где единственный закон – твои желания, без правил и запретов, а единственный бог и хозяин – ты сам. Леса, озера, замки, жара и холод – кто что хотел, тот то и получил. Ожившая мечта. Жаль, не моя.

Он показал мне многое. Думаю, ему было скучно. Остальным тоже. Когда тебе пять тысяч лет, мало что способно удивить или хотя бы заинтересовать. Я старалась. С каждым по отдельности и со всеми вместе. На мягких лапках, осторожно, точно – ответы, рассказы, вопросы. Шаг вправо, шаг влево, и ты в меню на завтрак. Мобилизует! Нашупала ту самую тему – болезненную, актуальную. Все оказалось просто и банально: они хотели выжить. И снова на мягких лапках – доказывать, что можешь быть полезной. В итоге я поладила со всеми. Почти – Базиль не дался. Настороженно наблюдал за мной из-под рыжей челки и на что угодно отвечал излюбленным: «А зачем тебе?». Умный, зараза. От таких одни проблемы. Не сожрал меня, наверное, только потому, что аппетита не было. Уверена, он один не менял свою внешность. Никто по доброй воле не напялит носатую физиономию с вечным прищуром блеклых глаз. А вдруг те странные вещи, причисленные к «из ряда вон», как раз его рук дело? Придумал же он и ритуал, и границу. Вероятность – один к четырем. Лучше бы это оказался не Базиль. Иначе я вряд ли справлюсь...

Но это потом. Сейчас не важно. Надо вспомнить, что было до того, прежде. Себя.

Это сложно, даже с клубком в руках. Как знать и понимать, смотреть и видеть. Ниточка вилась, уходила вглубь, билась, словно ведущая к сердцу вена. Нужно распутать, проследить. Добраться до сути. Вернуться к себе.

Все начинается с любви... Дом, мечты, ошибки. Желание жить.

Теплый огонек сиял призывно, манил к себе, звал. Я чувствовала, нет, знала – мне туда. Шаг за шагом, сквозь газоны, грязь и темноту, затем вдоль дороги. Цокот каблучков по асфальту, гул редких машин. Там, в глубине своего отвоєванного Потока, они называли меня Софи. Неправильно. Фальшивые ноты в знакомой мелодии. Два слога, четыре буквы. Только по-другому. Со-ня. Именно так. И никакой фальши. Исчерченная тенями улица, обступающие полукругом дома. Раннее утро, сияющая светом полоска неба. Совсем не страшная.

Иллит говорила, что тьма страшнее света, ведь в ней может ничего не быть. Пустота. Конец.

Я вспомнила все. Даже то, что хотелось бы забыть. Боль, жар раскаленного металла. Крики спасателей, навеки врезавшееся в мозг жужжание. Тетя со своей долбанной гречкой, за скорбной рожей одна мысль – на кой черт меня оттуда вытащили. Побег из дома, прокуренные тамбуры поездов и электричек. Негостеприимные улицы, десятки съемных квартир. Но, главное, что потом, после всего, оно нашлось. Родное. Мое.

Тугая дверь подъезда. Вверх, два этажа, почти бегом. Звонок – чертову кнопку до упора! Я тут! Птичьи трели внутри, шагов не слышно, как всегда. Дверь распахнулась...

Она.

Прямая спина, изгиб шеи. Прядка эта упертая – вечно из хвоста выпадает. А лицо измученное. Веки припухли. В карих глазах – зеленые искорки, калейдоскоп эмоций. Замешательство, проблеск надежды. И хлынувшее облегчение, с ядреной примесью... Вашу ж... Воздух рассек хлесткий звук, щеку обожгло.

Зато сразу стало ясно, что сказать:

– Ай...

Глава 4

Лейка

Ладонь горела, горло сжималось так, что было больно дышать. Нашлась! Жива... Россыпь солнечных искр, взорвавшееся конфетти на лестничной площадке. Только энергия странная. Но это она, точно она – Соня. Живая, настоящая, похожая на себя. Такая, как раньше... Стоит рядом, трет покрасневшую щеку и смотрит на меня вопросительно. Я ударила ее? Поделом! Так и надо! Мало еще попало. За те четыре года. Какого черта она тогда ушла, бросив меня здесь одну?!

Лестничная площадка расплылась мутными кругами. Глаза резало, но даже моргать было страшно. И шевелиться. Вдруг у меня попросту поехала крыша... Или я сплю. Десятки раз было уже, откроешь глаза – и ничего. Потолок, осень, злость, что угодно, а Сони нет.

Пол качнулся, стены надвинулись, выдавливая воздух.

– Лейка, – руки в кусачем пальто сомкнулись за спиной, в шею уткнулся холодный нос, – ты, ну чего ты? Это действительно я! Можешь даже пощипаться. Только не сильно!

Слова застряли в горле, все до одного, и слез не было, никак не получалось.

– Беда с тобой, – ворчала Соня, щекотно дыша в ухо. – То молчит, то дерется! В следующий раз в шлеме приду.

– В следующий раз – придушу, – хрипло выдохнула я и наконец-то смогла ее обнять.

Подкатывала тошнота, меня тормозили. Пытались то ли уронить, то ли, наоборот, поставить... Потом втащили в прихожую. Дверь захлопнулась, щелкнул выключатель. Стиснутые зубы, вдох через силу. Сознание прояснилось, мусть схлынула. А Соня осталась. Мы в обнимку сидели на тумбочке, на которой сидеть нельзя.

Это правда, это на самом деле. Она тут. По-прежнему настоящая. Да и тяжеловато для иллюзии. Ножки у тумбочки угрожающе скрипели...

– В этом доме еду дают? – вздохнула Соня. – Или только по морде?

– Ты... – выдавила я.

– Я, – подтвердила она. Весело улыбнулась и спрыгнула на пол. – Хочу ванну. И есть! А потом – хоть выпори.

Да не помешало бы! Я хмыкнула. Соня быстро скинула сапоги и пальто, подмигнув, исчезла за дверью ванной.

Я столько раз представляла себе этот момент. Он наступил. И прошел. Что теперь? В ванной шпарил душ, доносились плеск и песни. Не совсем по нотам, зато громко. Потом будет скрестись в дверь и кричать, что как всегда забыла взять полотенце. Как всегда... Хорошо, что вчера заехала еще раз в Сонину квартиру и собрала кое-что из одежды, на всякий случай. Я сунула полотенце и сумку с вещами в приоткрытую дверь ванной, выпустив клубы пара. Бездумно прошлась по квартире, зачем-то протерла комод, поправила идеально разложенные салфетки. Чувство нереальности происходящего не отпускало, все еще потряхивало.

Спокойно...

Повертев в дрожащих руках телефон, я набрала Пашин номер.

– Соня здесь, – выпалила я.

– Ясно, – ровно отозвался Паша. – И как она?

– Вроде в порядке. Не знаю... Мы не успели поговорить. Она сама пришла, буквально десять минут назад. Сейчас в ванной.

– Я смогу приехать не раньше обеда. Но как только – так сразу.

– Ладно.

– Вы с Анитой договаривались друг друга в курсе держать, – напомнил он. – Хочешь, я ей позвоню?

– Давай, – кивнула я в никуда. – Черт! Убедиться бы сначала наверняка, в каком Соня состоянии.

– Осторожнее с ней. Помни, где она была. И чем это грозит тому, о ком ты так сильно беспокоишься.

Я удивленно уставилась на замолкшую трубку. Что за бред?! Он спятил? Это же Соня... Просто ему повезло четыре года назад сразу выбраться из-за границы, а ей нет. Это не значит, что она теперь заодно с поточными гадами. Хватит. Любые выводы – потом. Вообще все потом. Сначала еда!

В холодильнике было пусто. Лишь из отделения для овощей таращился сквозь стекло туго набитый пакет из соседнего супермаркета, варварски втиснутый в ящик. Ох, Влад... Вечером заскочил «подкрепиться и показать классный мульт». Увидев меня, заявил, что психоделики мне, пожалуй, и в зеркале хватит, и немедленно отправил спать. Да-да, он положит еду в холодильник, а входную дверь захлопнет до щелчка. И ведь положил – не разбирая! Хорошо еще не перепутал, что положить, а что захлопнуть. Я достала пакет и выгрузила на стол конфеты, печенье, сыр шариками. Устрашающего вида осьминогов в прозрачном контейнере. Даже смотреть жутко, не то что есть. Консервную банку с персиками, оливки, упаковку черри, связку тронутых черными пятнами бананов. Кто же кладет бананы в холодильник?! Рекламный проспект супермаркета, наушники, диск с мультфильмом. Конечно, на столе они бы испортились за ночь. Две бутылки пива, одно из них вишневое. Подпоить меня решил, что ли? Я невольно рассмеялась, сунула пиво в холодильник и заглянула в пакет. Кажется, все, только по дну растекалось что-то малоаппетитное. Стоп... Мороженое?! Ну, Влад...

Выкинув это безобразие в мусорное ведро, я покосилась на внушительную кучу посреди стола. Что ж, как говорила моя бабушка – чем богаты, тем и рады. Последние два дня мне было не до магазинов.

Вскоре воду выключили, скрипнула дверь ванной, по полу прошлепали босые ноги. Опять без тапок! Соня появилась на пороге кухни румяная, с намотанным на голову полотенцем, в клетчатой рубашке и обтягивающих джинсах. Крутанулась передо мной, втиснув руки в карманы, и довольно похвасталась:

– Как влитые! Мои старые и любимые. Я в них с универа влезть не могла. А тут...

Она бросила взгляд на стол и молитвенно сложила руки.

– Еда... – благоговейно выдохнула и плюхнулась на стул, на ходу запихивая в рот печенье.

Я села рядом. Ни на секунду не переставая жевать, Соня вскрыла банку с персиками, сунула в рот сочную дольку, блаженно зажмурилась и промычала с набитым ртом:

– Вкуснотища... Сто лет не ела ничего подобного!

Сто лет. Интересно, догадывается ли она, как долго ее не было? Время в Поточе течет иначе.

Тренькнул телефон, высветив сообщение от Аниты с единственным словом: «Позвони». Я украдкой взглянула на Сою. Та с любопытством рассматривала осьминогов, постукивая пальцем по прозрачному пластику. Вдохнув, как перед прыжком в воду, я быстро набрала номер. Анита мгновенно схватила трубку.

– Лера, у вас все нормально? – прошептала она. – Говорить можешь?

– Да. Все в порядке, проблем больше не будет. Но нам нужно время.

Соня двумя пальцами подцепила осьминога за щупальце, покачала над тарелкой. В трубке слышались треск и сопение.

– Хорошо, – согласилась Анита. Помолчала и добавила: – Под твою ответственность. Пусть в наш офис заедет, когда ей станет лучше. Я ее куратор.

Я с облегчением выдохнула, только теперь осознав, что весь разговор задерживала дыхание.

– Кто это был? – с любопытством спросила Соня.

– Анита. Она из Совета.

– Совет в России?!

– Год как у нас обосновались.

– Хреново, – Соня прицелилась и решительно откусила осьминогу голову. – А Вениамин говорил, что ноги их здесь не будет, пока он жив...

Она запнулась. Посмотрела на меня совершенно круглыми глазами и протянула:

– Значит... Ну да. Сколько ему лет-то было. А кто сейчас рулит психологическим центром? Дима, Даша или...

– Нет больше центра, – перебила я, жалея, что эта тема вообще всплыла. – И рулить некому. Вениамин решил, что помогая нам совершил ошибку, и прошлой осенью с помощью Хранителя убил тридцать учеников. А в конце сам...

Соня отвернулась.

– Старый дурак, – пробормотала она и выкинула остатки осьминога в мусорное ведро.

Я слотнула непонятно откуда взявшуюся горечь и, наконец, спросила:

– Что ты так долго делала за границей?

– Лавировала между голодными крокодилами. – Соня побренчала ложкой и вытащила из банки последний персик. – Но ничего, обошлось. Я пыталась тебе сообщить, что жива. Только как? Оттуда не доорешься. Тео обещал при случае передать.

– Кто?.. – напряглась я.

– Нахальный брюнет с отличной задницей, – она усмехнулась. – Жаль, она ему там без надобности. Ты же с ним пересекалась.

– Дважды.

Прекрасно помнила и переданный между делом привет, и пошлые шуточки на уровне седьмого класса. Соня посмотрела на мое лицо и хихикнула:

– Он еще самый адекватный из них, поверь. Остальные вообще долбанутые.

– Расскажи... – не удержалась я.

– Началось все с каменного города. Названия не знаю, крокодилы не раскололись, или сами забыли. Поняла лишь, что он находился где-то на территории современной Иордании, но не Петра. Что в том городе было особенного, я не в курсе, только окрестные вемы лезли туда как мухи на мед. Или на... Неважно. Набилось их туда изрядно, но спокойно не жилось. Дар развили до немыслимых высот, обычных людей под себя подмяли – в общем, творили что хотели. Еще и в Потоке стали безобразничать. Допрыгались – явился по их души некто с суперсилой – пыщ тьмой, и прощай все живое, одни камни остались, даже покаркать некому. Ибо нефиг, Поток не игрушка. Слава о городе давно дурная ходила, а после такого и вовсе объявили место проклятым и стали обходить стороной. Спустя много лет еще одна кучка вемов решила, что ей все можно. И тоже огребла. Хотя не так кардинально – несколькими удалось выжить и сбежать в заброшенный город. Какого черта этих смертников туда понесло – не выяснила, но в храме их уже ждали. Еле отбились, правда, не все. Ну, ты была там. Видела.

Я молча кивнула. Первородный мир: пустыня, храм, поверженная тьма. Вот что тогда случилось со вторым Вестником...

– Выжившие вемы не стали ждать, пока за ними снова явятся, – Соня закинула в рот оливку, задумчиво пожевала и пододвинула к себе всю банку. – Проникли в самый глубокий слой Лектума, бросили ненужные уже тела помирать в реальности и остались в Потоке на правах энергетических существ. Отгородились в нижней половине, создали себе мирок со всеми удобствами. Пять тысяч лет там квартируют. Хапают энергию вемов с помощью

ловушки, чтобы поддерживать границу. Периодически предотвращают нападения тьмы. Такой расклад.

Ах, вот как это называется. Предотвращают нападения! Выслеживают и убивают Вестников до того, как те вышвырнут их из захваченного Потока.

– Какие милые... – осторожно высказалась я.

– Те еще сволочи, – отмахнулась Соня, и меня отпустило. – Один другого пакостнее. Выше только звезды, круче только яйца. Мы для них так, батарейки...

– Как тебе удалось вернуться?..

– Тео отправил. Баш на баш. Я ему тут кое с чем помогаю, он меня отпускает.

– С чем помогаешь? – застыла я, отчаянно пытаюсь задушить в себе панику. Может, таким образом они веками и добираются до Вестников в реальности?

– Да так... Покер в звездном домике. Кто-то из четырех крокодилов шулер, и мне надо выяснить кто именно.

Не похоже, чтобы дело касалось Артема. Пока не похоже.

– Ты ведь уже здесь. Пошли этого Тео в... Поток поглубже! Вместе с его интригами.

– Не прокатит, – покачала головой Соня. – Он меня легко выдернет отсюда в любой момент. При входе в портал зацепил основательно, моей энергии у него полно. Получит, что хочет, – отпустит.

То есть она фактически в заложниках. И не факт, что этот Тео сдержит слово. К тому же влезать в чьи-то разборки всегда чревато – может прилететь с любой стороны. Я обхватила чашку ладонями, тщетно пытаюсь согреться, и прошептала:

– Ты ему веришь?

– Лейка... – укоризненно протянула Соня и, обняв меня обеими руками, крепко прижала к себе. От нее пахло оливками и лавандовым шампунем. – Вообще-то я вижу ложь, и их в том числе. До сих пор не врал. А потом... На фига им там лишний квартирант. Насчет сожрать – хотели бы, давно слопали.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Нет! – Она убрала руки и выпрямилась. – Да и дело пустяковое – проверить несколько миров в верхнем Потоке, сдать ему имя. Большого сказать не могу. Сейчас не могу.

Соня справится. Если кто и способен выпутаться из подобной истории – то только она. Главное, не мешать. Долгожители не знают о моей связи с Вестником и считают случайным интерес Хранителя, иначе бы дали Соне совсем другое поручение. Лишь бы сама она не нарыла нечаянно чего-нибудь, что откроет им глаза.

Передо мной появилась тарелка с аппетитной абстракцией: сливочно-желтые сырны шарики, ярко-красные помидорки, зеленые оливки. Выглядело потрясающе, пахло так же. Я стащила один шарик, потом второй, и не заметила, как съела абсолютно все, вместе с оливками и черри. Соня копалась в пакете с конфетами, на столе шуршала целая стайка бабочек, скрученных из оберток. Ни сомнений, ни суеты. Лишь умиротворяющее молчание и шелест цветных бумажек. Упорно не верилось, что мы сидим здесь, вместе. Разговариваем. И не о неправильно раскрашенных тиграх или пропавших с потолка звездах...

– А чего ты в бабушкиной квартире отсиживаешься? – неожиданно спросила Соня, разворачивая очередную конфету. – Опять с Пашей поцапались?

Скатерть слилась в сплошное цветастое пятно. Я сморгнула его и тихо ответила:

– Мы расстались.

– Как? Когда?.. – ошеломленно пробормотала она, выронив конфету в горстку мгновенно разлетевшихся бабочек.

– Четыре года назад. Как только он после вашего путешествия за границу очнулся.

Соня помолчала, а потом расплылась в медленной, отстраненной улыбке и рассмеялась. Взахлеб. Черт! Зачем я про четыре года упомянула... Только нервного срыва сейчас не хватало!

– Хорошо, что не сорок четыре, – сквозь смех простонала Соня, вытирая слезы. – А то бы очнулась, посмотрела в зеркало, а там седая обезьяна. С бородавкой на носу...

– Откуда бородавка-то?..

– Да кто поймет этих обезьян!

Я невольно улыбнулась. Она поковырялась в конфетах и разочарованно выпятила губу. Наверное, все вкусные уже слопала.

– А что еще есть? – вскочила и распахнула холодильник. Мгновение спустя в ее руках звякнули бутылки. – Лейка! Ну как можно было превращать закуску в еду?

– Легко. И я это пить не буду, даже не проси.

В итоге вишневое недоразумение мне все-таки всучили. Сопротивляться не было сил, от избытка событий последних дней звенело в ушах. Я сдалась. Пузырьки в голове, постепенно отпускающее напряжение. Уютное гудение холодильника, пустые контейнеры и пакеты на столе.

Потом мы сидели в комнате. Я на диване, Соня на ковре, подложив под спину диванную подушку и пристроив голову мне на колени. На стуле сохло полотенце, я перебирала пальцами влажные светлые пряди. Фены она ненавидит. Их шум напоминает ей о той аварии. Машина на огромной скорости врезалась в столб, родители мгновенно погибли, а Соню два часа вырезали из машины. Все это время она была в сознании.

В телевизоре беззвучно мелькали картинки, я рассказывала обо всем подряд – нейтральном и не имеющем к нам никакого отношения. Об успевших выйти фильмах, о новом торговом центре, об ужасно неудобных сенсорных телефонах. Соня слушала, прикрыв глаза, лениво посмеивалась над моей любовью к технике. Выглядела усталой. Неудивительно, если вспомнить о двух ночах ее кружения по городу.

– Тебе бы отдохнуть, – предложила я.

– Нет, – Соня выпрямилась и решительно вскочила на ноги. – Пойдем, прогуляемся. Не хочу сидеть взаперти, понимаешь?

Понимаю. Четыре года с этими крокодилами, постоянной борьбой за жизнь и невозможностью сбежать. Зачем она туда пошла, почему не вернулась вместе с Пашей?

С кресла надрывно заорал телефон. Соня подпрыгнула, я метнулась и сбросила звонок. Ну, Влад! Что за привычка таскать мобильный в заднем кармане джинсов?! Два треснутых экрана ничему не научили, теперь и вовсе выронил.

– Это моего друга телефон, – объяснила я.

– У тебя есть друг? – оживилась Соня. – М-м-м... Друг или дру-у-уг? А я-то думаю, что за пьяная фея залетала в твой холодильник.

– Ему двадцать три, – осадил я ее.

– И что? – хмыкнула она. – А, ну да. Теперь он для нас вроде как мелкий?

Я смущенно пожала плечами, Соня хихикнула, кинулась к сумке и выудила плащ.

– Что стоишь? Собирайся! Отвезем телефон ребенку. Небось, плачет, думает, что потерял!

– Не удивлюсь, если он не заметил пропажи, – буркнула я и взглянула на часы. Стрелка под крышей декоративной избушки подбиралась к десяти. – К тому же Влад сейчас на работе.

– Тем более! Я так давно мечтала побывать в... – Соня вопросительно посмотрела на меня. – Где трудится наш молодой друг?

– В дизайнерской студии.

– Вот! Я так давно мечтала побывать именно в дизайнерской студии.

Соня решительно затянула пояс плаща и вышла из комнаты.

– Надо будет отвезти пальто в клинику, отдать хозяйке, – сдалась я.

– Откуда сапожки – не скажу! – донеслось из коридора. – Они мне самой нравятся. А тебе дай волю, все имущество разбазаришь!

– Соня, почему граница нам тогда открылась? – выпалила я, почему-то ужасно боясь услышать ответ.

Она появилась на пороге в одном сапоге, второй держала в руках. Помолчала и серьезно произнесла:

– Я расскажу тебе... потом. Все расскажу. Когда буду полностью свободна. Ладно?

В такси Соня прилипла к окну и рисовала что-то на стекле, расслабленно улыбаясь. Это было так привычно, так естественно. Неужели она пропала из моей жизни на столько лет? Сейчас уже и не верится.

Но, чем ближе становилось многоэтажное офисное здание, тем сильнее меня охватывал страх. Надо признать – я изменилась за эти годы, особенно за последний. Сони не было рядом, она не знает. А ведь столько всего произошло... У меня теперь есть Артем, Влад, Кира, диафильмы по выходным, ночные прогулки по торговым центрам, секретные пароли на случай похищения, в том числе инопланетянами. То, чего раньше и в помине не было. А еще спасение Вестника, секреты с Хранителем и намерение стереть с лица земли гадов из нижнего Потока, от которых у нее таинственное задание. Как ни крути – откровенный разговор светит нам нескоро...

Расплатившись с таксистом, я повернулась к дверям и встала как вкопанная. Соня молча подошла сзади, взяла меня за руку, знакомо сплела наши пальцы.

– Мне тоже страшно, – сказала она тихо. – Вписаться бы в твою новую жизнь.

Я крепче сжала ее ладонь и потащила за собой, к двери. Без колебаний и тени сомнения. Многое меняется – люди, мнения, обстоятельства. Точно знаю одно.

Ей всегда найдется место в моей жизни.

Глава 5

Соня

Рука молодого друга трепетно зависла над только что поставленной банкой, та качнулась... Упс-с-с! Башня дрогнула и обрушилась. Господа дизайнеры и маркетологи, азартно наблюдавшие за строительством, брызнули врассыпную. Лейка отпрянула в угол салатого дивана, испуганно прикрыв уши, запасы тушенки на случай апокалипсиса, крутятся и подпрыгивая, раскатились по всему офису. Я выиграла! Выиграла! Владик поскреб затылок, взъерошив волосы с особой жестокостью, напялил латексную голову лошади и бодрым шагом направился к дверям. Нарисовавшаяся на пороге уборщица уронила швабру и попятилась обратно в коридор, проигравший вышел следом и громко крикнул, что он – конь в пальто. Надеюсь, никто санитаров не вызовет. Какое счастье, что это была не моя банка...

Я спрыгнула со стула и плюхнулась рядом с Лейкой.

– Что ты творишь? – укоризненно прошептала она. – Люди же работают!

Работающие люди как раз высунулись в двери, ржали и вопили: «Иго-го». Крики Владика то приближались, то отдалялись, кто-то ускакал в неведомые дали офиса, громко цокая языком. Все ясно, они психи! Мне нравится.

Наконец, угомонились. Господа дизайнеры и маркетологи, пересмеиваясь, разбрелись по своим местам, довольный Владик проехал мимо на пуфике, сосредоточенно собирая банки. Милый мальчик. И умный... Просто друг, ага. Правильно. Лучше быть любимым младшим братиком, чем никем. Но мог бы так усердно не шифроваться. Лейка ни в жизнь не заметит, просто потому что не хочет. Она безупречно умеет не видеть оттенков. Все красное. Как те маркеры из шкафа.

Жаль, что это единственное воспоминание, которое удалось подсмотреть. Едва полезла глубже – враз заработала тычок локтем от Лейки, а Владик захлопнулся как устрица. Тренированный. И о даре знает. Так-так... Чую, в его голове есть много интересного, но как туда попасть?

– Чай из пакетика или кофе из автомата? – спросил наш новый лучший друг.

– Какао из базуки, пожалуйста! – отозвалась я.

– Воды из бутылки, – Лейка озадаченно крутила какую-то распечатку, пытаюсь определить, где у нее верх. По-моему, справа. Во всяком случае, так оно хотя бы напоминает растекшийся по дороге велосипед. – Что это?

– Для туристического агентства, – доложил Владик и с умным видом добавил: – А сейчас ищем концепт магазину воздушных шаров.

Я выгащила из-под дивана пачку распечаток, вместе с ней выехали заляпанная соусом папка с отгрызком пиццы наверху и пыльный консервный нож. Следом выкатилась банка тушенки.

– Вот он! – Владик радостно подпрыгнул. – Мы его нашли!

– Концепт? – Лейка хмуро покосилась на натюрморт у своих ног.

– Нож! Месяц как пропал, – отмахнулся Владик. – Кстати, у нас пицца осталась, с колбасой и оливками. Хотите?

– Это она? – Я ткнула пальцем в налипшие на папку останки.

– Нет, это ее бабушка, – подмигнул Владик. – Момент!

Цапнул нож, пихнул остальное под диван и испарился. И Лейка терпит? Надо же... Кого угодно бы уже раскатали осуждением, а он бегаёт с ненадкусенным мозгом – жизни радуется. И мумия пиццы осталась непогребенной. Это точно Лейка, или мне кого-то подкинули? Разводы пыли уходили под диван, и оттуда выглядывала... грустная божья коровка! Я с любопыт-

ством потянула лист за уголок. Еще один макет – шапка и меню в виде блистера, где вместо таблеток в прозрачном пластике сидели божьи коровки. Такое чудо среди креатива и концептов.

– Брось! – раздалось над ухом. Я испуганно выпустила лист, тот спикировал на пол. – Держи какао.

Еще бы гавкнул, паршивец.

– Чей макет? – Я отпила из протянутого стаканчика. На самом деле какао. Мне бы сейчас валерьянка не помешала. И памперс...

– Уже ничей, – равнодушно пожал плечами Владик, оседлав пуфик. Над головой предательски подмигивал пламбоб застарелой обиды. – Кире делали весной, но ей не понадобился.

О, как! Наш друг знаком с Кирой, а где Кира – там и драма. Все интереснее. Еще и Лейка глаза отводит. Хочу знать!

– Кире понадобился сайт? – вкрадчиво спросила я, прощупывая барьер. Тот дрогнул и неумолимо захлопнулся, словно двери отчаливающего от перрона поезда. Жадина.

– Скорее предлог, чтобы сюда притащиться, – фыркнул Владик. – Напела в уши нашему менеджеру про частную практику, тот месяц вокруг меня бегал, печень выклевывал дедлайном.

– Частная практика? А как же «Перспектива»?

– Никак. Несколько клиентов маньяк поубивал, остальные сами разбежались. Директор с бухгалтером прихватили последние деньги и смотались в далекие края. Так и не нашли.

– Ай да Игорек, – присвистнула я. – Лейка, ты почему мне об этом не рассказала?

– А это интересно? – Она наклонилась, вытащила пыльную кучу из-под дивана и с облегчением пристроила в мусорное ведро. Ну, слава богу! А то я уж волноваться начала. – Сбежал, и сбежал.

Это оно – правильное, неизменное. И совершенно мне недоступное. Лейку не мучило любопытство, ни разу. В ее голове не толкались сотни вопросов, не зудели кусачим роем, не сводили с ума. Не царапались в мозг настойчивым «давай, иди и возьми». Желание знать, отпирать двери, искать ответы... Ха! Они и готовые ей были не нужны. Единственное волнующее ее «зачем» звучало как «зачем в это лезть». Железные принципы, каток рассудительности и искренность, за которую простишь все...

Я первая ее увидела. Тогда, в психологическом центре. Молчаливую девочку на узком подоконнике, где сидеть строго запрещено. Я плевала на правила, а для нее это был не вызов, а побег. В одиночество, которое часть тебя, твоя необходимость. Твое наказание. Мы обе знали о цене. В тот момент я ощутила ее – связь, одну на двоих, как ниточку, подхваченную с обоих концов. Смотаешь такую, и встреча неизбежна.

Лейка – она сама по себе словно закрытая комната. Я подошла близко, и меня впустили. Стало хорошо, уютно, надежно, как дома. Вкуснятина в холодильнике, подкупающая категоричность, вечная охота на пыль, недремлющая совесть и идеализм, достойный самого упорного мечтателя. Она сражала прямоотой – прицельно, в лоб. И так прочно стояла на ногах, что, казалось, будешь рядом, и тоже удержишься. Любые загадки вызывали у нее скуку, а не азарт. И мой собственный будто делился надвое, остывал. Это было важно, всегда. Выдыхать, успокаиваться. Чувствовать равновесие.

– Нам пора, пожалуй, – Лейка допила свою воду и аккуратно завинтила крышку. – Не будем больше вам мешать...

Да ладно. А то они расстроились. Особенно тот Мцыри у окна. Как Лейку увидел, так и впал в кому. Только глаза над монитором сверкают, а в них – тысяча и одна ночь вместе с луной и звездами.

– Вы и не мешаете. Молодцы, что заскочили... – Владик поерзал на пуфике. – Может, встретимся как-нибудь вечерком, безо всех наших менеджеров, и на диване поудобнее?

– М-м-м?... – Я насмешливо приподняла бровь. – Втроем? А справишься?

Он сравнялся по цвету со всеми своими красными маркерами одновременно и быстро оглянулся на Лейку. Та пристраивала пустую бутылку в переполненную урну, отрешенно думая о чем-то своем. Струсил? Дурачок... Лейка подобных ляпов просто не замечает. Я потянула ее на выход, оставив по пути на чьем-то столе недопитый какао. Владик помахал рукой и с чрезвычайно занятым видом укатил на рабочее место. А пиццу все-таки зажал, кентавр офисный.

На улице было шумно и мокро, машины высекали залпы брызг из луж. Такси мчалось с ветерком, за окном проплывал город, такой родной и такой незнакомый. Подвижный, меняющийся, живой!

В моем дворе появилась детская площадка, сыто толпились новые иномарки, блестя ухоженными боками. У подъезда разрослись кусты, и какой-то изверг изрезал сердечками скамейку. Лифт увез на самый верх, ключ заедал и не проворачивался, Лейка смешно оправдывалась, что «это не она сломала, он сам». Наконец, замок щелкнул. Я пробежалась по квартире, не веря, что я дома, и распахнула шкаф. Так... Даже мерять не буду. Четыре года – хороший повод обновить гардеробчик. Кстати, а сколько у меня денег? Через пару минут я знала об этой жизни все. Интернет отрубили, срок действия банковской карточки истек, а номер мобильного телефона заблокирован. Я бомж. Зато есть она, лоджия – огромные окна во весь рост, теплые доски пола, ворох подушек, плед и мир под ногами. Оранжевый лес без конца и края, немного невысоких домов, ниточки дорог, изгиб реки и небо – много неба. Теперь все правильно. Как надо. Лейка закончила размахивать тряпкой, уничтожая одной ей видимую пыль, забралась ко мне на подушки и уткнулась носом в плечо. Высоты она не боялась, просто не любила. А под пледом хорошо, безопасно. Особенно если натянуть его повыше, спрятаться с головой и хихикать. Над чем угодно. Или просто молчать и смотреть в небо – пронзительно синее, глубокое, спокойное...

Что за... Энергия завибрировала, бешено закрутилась, быстро приближаясь. Нет, ну только не сейчас! Мощный импульс, звонок в дверь.

– Открою, – Лейка отбросила плед и исчезла в провале дверей.

Пашу принесло... И, как всегда, не вовремя. Впрочем, на этот раз должно быть весело!

Замок лязгнул, все стихло. Что они там делают? Я слетела с подушек и выскользнула в прихожую. Оба стояли у двери и молча переглядывались. Все как обычно. Они точно расстались?

Я обняла Лейку сзади и промурлыкала с ее плеча:

– Привет-привет! Какая встреча...

Паша выжидательно приподнял бровь. Ни страха, ни отчаяния, ни хотя бы досады. Полный дзен и морда кирпичом. Козел.

– А ты опоздал. Я уже обо всем рассказала Лейке.

Он перевел на нее внимательный взгляд. Секунда, другая, тонким слоем размазанная по воздуху тревога. Исключительно Лейкина.

– Ты в порядке? – Паша снова уставился на меня, с откровенной насмешкой. – Бледно выглядишь. А про свой заграничный вояж можешь еще раз повторить. Для тренировки. Скоро тебя об этом многие спрашивать будут.

Жаль, что не мне первой пришла идея выдать билет в один конец. Сейчас бы тут не скалился.

– Ты прав, – вздохнула я. – Во второй раз даже лучше получится. Память возвращается, вспоминаются подробности...

– Это какие? – насторожилась Лейка.

– Сесть хочю... – сказала я очень усталым голосом.

Развернулась и побрела в комнату. Лейка моментально метнулась следом. Спину буравил взгляд господина Левицкого, тяжелый как баллон с ацетиленом. Отлично! Процесс пошел. Посмотрим, у кого будет бледный вид.

Я залезла с ногами на диван и уютно устроилась в уголке, Лейка притащила с балкона плед, старательно меня укрыла и села рядом, нервно сцепив пальцы в замок. Паша небрежно подпер спиной стену у двери.

– Ты в клинику звонила?

– Нет... – вздохнула Лейка. – Зачем? Я же подписала какие-то бумаги.

– Это был отказ от привлечения полиции к поискам, и еще пара-тройка формальностей, – терпеливо пояснил он и покосился на меня. – А место я попросил придержать. Мало ли...

Дерзит, сволочь.

– Оно не понадобится, – перебила Лейка. – Позвоню и разберусь.

– Ты как выбрался? – спросила я, лениво кутаясь в плед. – И через сколько?

– Через две недели. Так же как вошел.

– А когда я к порталу вернулась, там уже заперто было. Кстати... – Я накрыла Лейкины руки своей. – Я вспомнила, что было за границей у портала.

– Там лабиринт или вроде того, – она стиснула подол обеими руками. – Паша мне показывал воспоминание.

– Да? И я там была?

Лейка мотнула головой, из господина Левицкого вулканной лавой поперла злость. Эй, а где же наша фирменная ухмылка?

– Паша... – я нахмурилась и замолчала. Воздух вибрировал, потрескивая от напряжения. – Паш, одолжи денег, а? У меня карту заблокировали.

– Я дам, – спохватилась Лейка.

– Нет, – зашевелился Паша, только что переживший свой персональный последний день Помпеи. – Если она на твои деньги одеваться будет, тебе придется перейти на трехразовое питание – понедельник, среда, пятница.

Из прихожей понеслась веселая мультяшная мелодия, Лейка сорвалась с места и исчезла за дверью.

– Да? Артем, помедленнее, – донеслось оттуда. – Что-что ты сделал?.. И как они? Ничего не трогай, я еду!

Она появилась на пороге с прижатым к груди телефоном, полыхая паникой.

– Артем? – с любопытством спросила я.

– Это с работы... – замаялась Лейка.

– Ты работаешь?..

Меня не было, видимо, слишком долго. Лейка и работа? Бывший жених-миллионер, я гляжу, тот еще жлоб...

– Одного вема внезапно инициировало в восемь лет, – раздраженно пояснил жлоб. – Родители у него люди состоятельные, она у мелкого вместо гуру.

То есть нянька. С ума сойти! Зато ясно, где Лейка живет, потому что определенно не в бабушкиной квартире. Иначе бы в холодильнике осьминоги на щупальцах не вешались.

– Ты же не любишь детей, – озадаченно сказала я.

– Этого люблю, – произнесла Лейка тем тоном, который четко подразумевал – дальнейших обсуждений не будет. – Мне нужно отойти, вернусь как смогу. Ты...

– Куплю телефон и сразу позвоню, – я поднялась с дивана, выразительно кивнув Паше. – Правда ведь?

Он взглянул на меня так, будто очень хотел выкинуть в окно и прикидывал как это сделать. Никак. Окна на таких этажах не открываются. В коридоре Лейка уже надевала сапоги и смотрела несчастными глазами. Ей было страшно – и уходить, и прощаться. Напрасно. Никуда я не денусь, постараюсь не деться. Я закрыла за ней дверь, шелкнула замком.

За спиной налился сгусток выпущенной на свободу злости с примесью какого-то странного облегчения. Так не терпится, что в коридор выполз? И чего это его так разбирает? Впрочем, теперь-то можно не сдерживаться. Обоим.

– Какого черта тебе там не сиделось? – почти весело спросил Паша и захлопнул за собой дверь в комнату. – Или и оттуда вышвырнули?

– Все швыряются... Просто флэш-моб какой-то! – я печально покачала головой. Шаг вперед, второй. – Она вышвырнула тебя, как только ты вышвырнул меня. Теперь я здесь, а ты – в полете. Какая грустная история!

– Сонечко, что за детский сад? – прищурился Паша. – Не забывай, ты уже не в том возрасте.

– Как забыть, что ты украл у меня четыре года, – пожала я плечами. – Столько перемен... У Лейки появился Владик. Милый мальчик. Ей с ним хорошо...

– Верный паж, – усмехнулся он. – Будет тайком облизываться и вздыхать, но так и не решится протянуть руку. Как видишь, замену тебе она нашла.

Ах, ты ж... Я приблизилась вплотную, ощутив горячее дыхание и столь же горячую ярость. Медленно склонила голову набок и спросила:

– А если я ей все-таки расскажу?

– Рассказывай. И про то, как ты в нашу последнюю встречу пыталась скормить меня новым друзьям – тоже расскажи.

– Скормить? Увы, не едят они что попало. И вообще, мне нужен был друг! Настоящий... – Я томно выдохнула и приложила палец к его губам. Ладонь моментально оказалось сжата в тисках железных пальцев. – Ведь только настоящий друг пинком отправит в лабиринт, как только повернешься к нему спиной.

– Ты сама туда хотела. – Паша выпустил мою руку и отстранился. – А я нет.

– Я сумела договориться, и тебе ничего не мешало попробовать. Все честно.

Он вынул из кармана прямоугольник холодного пластика и грубо вложил в мою ладонь. Визитка. Благотворительный фонд «Идеальный мир» и некая Анна Верг со специальными проектами. Припоминаю... Уж не та ли Анита?

– Тебя в Совете очень ждут, – пояснил Паша с садистским удовольствием. – По поводу той женщины из клиники, которая в себя до сих пор не пришла. Сделай одолжение, огреби пять предупреждений сразу. Сэкономь всем время.

Из клиники... Вот откуда в голове всплывает Барсик и ящик с картошкой.

– И это все? – я покачала визиткой перед Пашиным носом.

Тот достал кошелек, задумчиво перебрал пальцами купюры. Резко захлопнув его, положил обратно и сказал:

– Деньги скину на счет. Прогуляешься до банка. – Посмотрел в окно и довольно добавил: – Кажется, дождь собирается...

Пятачок, неси ружье...

Галантно поклонившись, он прошел в коридор, а я, ни в чем себе не отказывая, рассмеялась. Как ни крути, забавный расклад! Хотел от меня избавиться, а хвост прищемило в итоге самому.

Захлопнув за ним дверь, я бросила визитку куда-то в ящик и завалилась на балкон. Вот оно – блаженство... Тепло, мягко, просторно. Вдалеке блестит голубая гладь реки, и пофиг ей на пасмурное небо. Закрывать глаза не хочется, хоть и слипаются. К черту Пашу! Обещала себе ни о чем не жалеть, особенно о том, чего не изменишь. Жизнь дается только раз, и она продолжается.

Задержать дыхание, протянуть руку – вперед, к стеклу, прозрачному настолько, что кажется, будто его нет. Исчезающий отпечаток на окне, холод на кончиках пальцев. И податливая мягкость другой преграды, невидимой обычным людям. Она красивая. Искрит, перели-

вається, зовет. Всегда зовет. Это так естественно – выдохнуть, откликнуться. Подхватить ритм качающейся на волнах энергии. Размеренность, спокойствие? Долой! Шторм, цунами, адский серфинг... Вот где истинное волшебство. Границу миров закружило, реальность уплыла резко – вверх, вместе с небом, пледом, твердостью пола. Стремительное погружение, рябь энергии. Как же мне нравится уходить, не держа в голове каждый узор на подушке, и даже точно не зная сколько их.

Тусклое небо, буйство метели и заснеженное поле. Белое, чтоб его. Но активных миров всего пять, выбирать не приходится. Лишь бы их вообще хватило.

Теперь – бегом, в обратную от тропинки сторону, сквозь заиндевшую траву веселенького голубого цвета. Вот он, крутой обрыв, рваный край пропасти. Разгон, быстрее, еще быстрее... Прыжок! Секундное смятение, всплеск предвкушения, свист в ушах. О-о-оп! И уже внизу. Люблю законы Потока! Верись – оживает, хочешь – получаешь.

Впереди сгоревшая деревенька: обугленные развалины, летающий в воздухе пепел, и в центре – фонтан. Он-то мне и нужен. Чистенькая, покрытая льдом вычурная громадина смотрелась среди сельских руин как клоун на поминках. Вряд ли в реальности местные пейзажи из нее коз поили, и откуда она нарисовалась в Потоке – загадка. А любая загадка лишь финальный аккорд, итог роковой последовательности событий. Главное, суметь ее представить, почувствовать. Только чувствам здесь можно доверять, только они настоящие. Не всем дано, да и у меня без бонусов от крокодилов ничего бы не вышло. Каждый мир верхнего Потока – не что иное, как немного искаженное воспоминание о смерти очередной тьмы, след от невероятно мощной вспышки энергии, запечатленный момент ее высвобождения. Я облокотилась о резной каменный бортик фонтана, зажмурилась. Раз, два, три, это видно изнутри...

Пронизывающий холод, дышать нечем. Имя, с него все начинается. Ида... Упорная, очень. Как тот родник в центре большой деревни. Маленький, но сильный. Она могла часами смотреть на бьющую из-под воды толстую пенистую струйку, похожую на фонтан, что Ида видела в детстве, когда с родителями на ярмарку ездила. Только раз тогда и выбрались из деревни. Крестьянская жизнь такая. Дом, хозяйство, не кинешь надолго. В городе улицы камнями вымощены – камушек к камушку, чудно. Телега гремит, подпрыгивает на них, копыта цокают. Дома высоченные, и так тесно жмутся друг к другу, будто им места мало. Народу – тьма-тьмушая, и одеты непонятно. Площадь огромная, как поле за домом, повозки, брочки, шатры разные – кто что привез, тем и торгует. А посередине – он! Фонтан! Громадный, пятиярусный, с золотыми от солнца струями. Она тогда проворно взобралась на самый верх, на пятый ярус, не слушая сердитых окриков отца, глянула по сторонам, и застыла зачарованно. Красота-то какая, господи... И даже саднящая от падения, а затем от розог задница и выговор от матери не огорчили.

Ей было шестнадцать в тот год, когда сгорела деревня. Ида пережила пожар и почти спаслась, но те, кто его устроил, вернулись. Ей не хватило чуть-чуть – времени, сил, удачи. Была метель и много снега. И круглая полынья на роднике с ледяной крошкой по краю. Мутит. Студеная вода, давящая на затылок стальная рука, закончившийся воздух.

М-да...

Снова мимо. Ее убили. Это по их плану. Так и было задумано.

Я глубоко вдохнула и открыла глаза. Ё-мое... Окружили. Снежные твари на толстых лапах абсолютно безмолвно сжимали кольцо, зияя пустыми провалами глаз. Рождество в Сайлент Хилле, ей-богу. Их было около дюжины, но с крыльца самого большого дома лавиной пер снег, отлетали комки и раскрывались словно попкорн, превращаясь в новых упитанных гремлинов.

Твари открыли пасти, утыканные ледяными зубами, рыча и скалясь двинулись ко мне. Эй, полегче, я вам не елочка! Запрыгнув на нижний ярус, я огляделась. Орда снежных гремлинов наступала, несколько штук карабкались за мной, с мерзким скрежетом скобля по чаше

когтями. Продвинутая здесь охранная система. На считывание сценария реагирует? В прошлом мире такой не было! Конечно, можно сбежать – до точки выхода два десятка метров. Но пропустить веселье? Ни за что. Любопытство ворочалось внутри и царапалось круче местных тварей. Над краем чаши показались снежные морды, рядом с ногой жадно клацнули чьи-то зубы. Лягнула не глядя, на лезущих к чаше гремлинов ухнул зубастый ком. Внизу зачавкали, запыхтели, кто-то заскулил. Не досталось? Добавим! Я заскользила по ярусу, пинками сшибая рычащие головы. Одна, другая, третья... Да их тут все больше! Взлетев на следующий ярус, я села на край и свесила ноги, болтая ими над щелкающими пастями. Вечер перестает быть томным, пора проредить популяцию. Расслабиться, отправить миру требовательный импульс. Призвать его энергию к себе и... зарядить испепеляющей круговой волной. Жажнуло нехило. Лавина жара, искры вместо крошева метели, всюду мокрые лужи с осколками сосуллек. Эффектно, но...

Вдалеке загудел горн. Метель возвращалась, с крыльца сыпал снег, из комков вылуплялись очередные твари и тянулись к фонтану. Конвейер адского попкорна! Так и будем развлекаться, пока обессилев, не повиснем тряпочкой. Потом кто-нибудь из вемов залезет на фонтан, найдет ее и высморкается! Я быстро забралась на верхний ярус и встала. Выл ветер, трепал волосы, забирался под одежду, внизу раскинулась убогая деревенька, вся как на ладони. Колыхалось море гремлинов, задирало оскаленные морды, упорото атакуя фонтан. Поиграем? На этот раз получился не призыв, а полноценный вызов. Энергию я направила точно в крыльцо. Удачно зашло: столп искр, грохот, брызги щепок, сорванная с петель входная дверь. Море слякоти из растаявших тварей по колено. И тишина... Победа? Звук горна повторился, на обломки крыльца вывалился свежий сугроб. Что за... Так, все. В третий раз не промажу. Хотя бы потому что четвертого не будет – силы на исходе.

Не сами гремлины, и не крыльцо. Значит, что-то в доме. И я это что-то найду! Легкая концентрация, выпущенная волна жара. Заклубился пар, слизывая снег, слякоть, парочку вылупившихся тварей и разбросанные возле крыльца гремлиньские комки. Я оттолкнулась и прыгнула, с самого верха, с потрясающей высоты... Мягко приземлилась на черную сытую землю. Теперь бегом! К обугленным обломкам, гряде щепок, оставшихся от крыльца. В доме было пусто, только люк в подвал зиял дырой и плевался снегом. Я подошла поближе и заглянула – туда, в черный провал. Темно. Прыгать не буду. Вдруг там не подвал, а средневековая выгребная яма? Мало ли что Поток не так понял. Я выпустила огонек жизненной энергии, тот завис, выхватывая из тьмы кучи пепла, обгоревшую лестницу и подернутый рябью земляной пол. Из ряби выныривали снежинки, отрывались и вихрем улетали наверх. Вот она, колыбель пустоглазых гремлинов! Зарядила я в нее сполна, всем, что смогла взять – у себя, у мира, у Потока. Оживший было горн захлебнулся собственным гулом, пол застыл. Стало тихо, очень тихо. Минута за минутой, и ничего. Вот теперь точно – победа! Трещины в потолке исчезли, словно стертые ластиком, за вновь повисшей на петлях входной дверью виднелось абсолютно целое крыльцо. Местный сценарий завершился, и мир вернулся в исходную точку. Протрубил горн, все началось сначала. Только земляной пол остался неподвижным. Интересно, почему? Потому что в этом цикле я пока фонтан не трогала? Или...

Прикрыть глаза, нащупать сосредоточение зыбкой памяти. Я знаю, чувствую. Ее дом, Иды. Она пряталась тут, в подвале, когда начался пожар. Успела выбраться, прежде чем все обрушилось.

Щеку кольнуло холодом, потом еще, и еще. Я открыла глаза и заглянула в подвал. По полу снова шла рябь, первые снежинки кружились в воздухе. Все ясно, гремлины на подходе, и дело не в фонтане. Не только место смерти хранит воспоминания, весь мир – словно хранилище чьей-то души, ее индивидуальный отпечаток. Ковырни в любой точке – получишь отклик. Поток тебе подчиняется, слушается, помогает, но сценарий задают они, погибшие девочки. Капризные как призраки, одни молчат, другие зовут, третьи хитро играют с тобой. Ида защищается. Не хочет, чтобы ее тревожили. Да и ни к чему.

Это не та девочка, которая мне нужна.

Я протиснулась в приоткрытую дверь, разом ослепнув от яркого света. Следом выпал огромный сугроб, сбил с ног и потащил вниз по ступенькам, распадаясь на комки. Упс... Похоже, гостеприимно проводят. Интересно, если я оскалюсь и зарычу, меня за свою примут?

– Эй, брысь, фу, или как там тебя!

Не прокатило... А-а-адский попкорн! Я домчалась до знакомого двора, перелетела через плетеный забор, за которым мерцала точка выхода. Оказывается, занесенные снегом дворы преодолеваются гораздо быстрее, если у задницы шелкают ледяные клыки! Стая гремлинов бесновалась снаружи, просовывала когтистые лапы сквозь прутья, царапала невидимую преграду. Пока-пока, обниматься не будем! Чистый участок двора, защищенный от летающего в воздухе пепла невидимой преградой. Кажется, что белее ничего быть не может... Ерунда. Сейчас будет и белее.

Шаг к самому краю, нырок в пропасть непроглядной глубины. Холодные объятия света, плотный белый туман. Как же осточертел! Непрístupный, ослепляющий, бесконечный. Обманчиво пустой, будто вовсе нет никого. Но это не так. Тут они, в засаде. Схема простая: перехваченный на выходе из Потока вем, последняя картинка из реальности, добытая прямоком из его головы, иллюзия возвращения. И счет на время, сообразит и смотается – молодец. Нет – до свидания, ловушка сомкнется. Кто сегодня дежурит? Вроде бы Крис... Еще одна жертва местного фотошопа – рафинированный блондин с комплектом бронзовых мускулов, нарцисс и болван. Хотя последнее, пожалуй, его единственный плюс – общаться проще. Пара восхищенных взглядов – и в дамки. Я позвала четко и громко, как учили. Дуновение ветра, просветы голубого неба в белом мареве. Под ногами твердая рыжеватая земля, сплошь покрытая высоким разнотравьем. Горьковатый запах полыни, гривы ковыля до отрогов меловых гор вдали... Не Крис. Ну, хоть и не Базиль.

Ткнула рукой наугад – вперед, назад. Все мимо, только воздух. Раздалось хихиканье, сбоку появилась дверь – деревянная, массивная, с кованым кольцом. Из-за нее высунулась юная довольная мордашка и показала язык. Русые кудри до лопаток, чуть собранные тонкой золотой диадемой, на которой сиял знак из драгоценных камней – зигзаг со стрелкой на конце. Будто змейка с изумрудным глазком. Нежные щечки, пухлые губки, наивные голубые глазищи в пол-лица. Куколка. Только взгляд подкачал – цепкий, быстрый, как укус кобры. Той, что на диадеме. Главный сплетник бессмертного коллектива Крис как-то проболтался, что в покинутой реальности Яника была женой вождя одного из племен Месопотамии, считай, королевой. Воинственная, непокорная, она плевать хотела на обычаи и держала под каблуком мужа, а потом и сыновей. Так что в Поток Яника переселилась далеко не шестнадцатилетним невинным ангелом.

– Хочу печенек, – прояснила я сразу. – И побольше.

– Опять? – закатил глаза невинный ангел. – Ну, ты и жрать.

– Надо было осмотреться как следует, – протянула я отрешенно и не забыла пожаловаться: – Мутит постоянно, чудится всякое.

– Потерпишь, – отмахнулась Яника и выпрыгнула наружу. Дверь тотчас испарилась.

Она ухватила меня за руку, слишком крепко для милой крошки. Ладонь пронзили сотни иголок, веером разлетелись дальше – царапаясь и впиваясь в сознание. Небо перевернулось, опора уплыла. Или это я попросту грохнулась? Чертова кукла, могла бы помедленнее! Внутри все жгло и кололось, будто три метра колючей проволоки проглотила. Под напряжением. Надеюсь, глаза не светятся. Ладно, не впервой... Глубокий вдох, и картинка прояснилась. Я перевернулась на бок, прислушалась к себе. Порядок, полученной энергии хватит с запасом. Яника сидела рядом, подобрав длинную юбку, и плела веночек из цветов. Почти закончила, оставалось лишь замкнуть круг.

– Нашла, что искала? – беззаботно спросила она, жуя травинку.

– Нет еще, – ответила я спокойно, потому что чистая правда. – Но я справлюсь.

– А что потом?

– Тогда и подумаю.

– Уйти или остаться? – Яника вплела травинку в венок, завязала оба его конца грубым узлом. – А чего ты хочешь?

Хреново. Я-то старалась, чтобы ни у кого сомнений не возникало. Базиль ее, что ли, покусал?..

– Свободы, – еще одна правда, которая звучит безопасно, – и решать самой.

Яника улыбнулась, совсем не по-детски. Водрузила мне на голову венок и насмешливо передразнила:

– Свобода... Большая, а в сказки веришь.

Небо рухнуло на голову, облака растеклись расплавленным свинцом. Подкинуло вверх и стремительно вышвырнуло вон. Стук в висках, противное хлюпанье, липкие потеки на подбородке. В окнах багровый закат, на подушке – того же цвета разводы. Ну, ё-мое! Снова кровь хлещет. Подушке было уже все равно, я доковыляла до кухни с ней в обнимку. Выгребла весь лед из морозилки и приложила к переносице. Нос моментально онемел. Ничего, не отвалится...

Перед глазами мелькала то высокомерно вздернутая бровь Иллит, то непонятная улыбка Яники. Изучающий взгляд Криса, поджатые губы Базиля. Ждут результатов, помогают. Смешно... Не ищу я вашу очередную девочку с тьмой. Это просто прикрытие. На самом деле я ищу, кто же из вас четверых такой хитрожопый.

И найду. Вот тогда-то и посмотрим, что потом.

Глава 6

Лейка

Рыбки обморочно зависли у самого дна, выбивая хвостами песчаную муть, улитки так глубоко забились в раковины, что было непонятно, есть ли они там вообще. Кверху брюхом определенно никто не плавал – ни в утыканном окошками замке, из которого с бульканьем тянулись пузырьки, ни в гуще спутанных темно-зеленых водорослей.

– Ну, живые же все, – виновато пробормотал Артем.

Оптимист. Не помню, чтобы раньше у рыбок были такие выпученные глаза. Надеюсь, они оклемаются раньше, чем Нина их увидит.

– Ведь получилось, – Артем тихонько ткнул меня в бок, – я знал, что получится, чувствовал!

Исследовать возможности Вестников ему нравилось, любопытство гнало вперед, лишая покоя и осторожности. В последнее время Артема занимал вопрос – можно ли не прихлопывать объект с концами. На мухах ничего не вышло – слишком мало в них энергии жизни, чтобы правильно рассчитать удар. Вот и дорвался до рыбок. Впрочем, сама виновата. Оставила без присмотра на два дня.

– Надо было дождаться меня.

Он насмешливо приподнял бровь. У Влада научился?

– Ты их трогал? – поинтересовалась я, поправив на аквариуме косо закрытую крышку.

– Только воду сверху, – с азартом поделился Артем. – Пыщ на секундочку. Хватило!

– Хорошо придумано. Но экспериментировать лучше вдвоем, пока не научишься. И однозначно не на рыбках!

– Я их больше не буду трогать, честно-честно, – он расстроено вздохнул. Истинная правда в каждом слове и ответы сожаления. – Не хочу никому делать плохо.

А Паша еще опасался, что ситуация выйдет из-под контроля. Чуть! Чтобы Артем безжалостно гасил жизнь во всех подряд? Такого не будет.

– Мы что-нибудь придумаем, – пообещала я и потрепала его по макушке, взьерошив рыжие пряди. – Просто рассказывай мне о любых идеях заранее.

Выяснить как можно больше о возможностях Вестников лишь малая часть дела – нужно еще воспользоваться ими так, чтобы выжить. Пятьдесят Вестников были убиты кем-то в реальности, значит, пора менять тактику. Необходимо пересечь границу и напасть на долгожителей в Потоке. Первыми. Одно непонятно – как отпереть портал. Я видела его открытым лишь раз, тогда, четыре года назад... Соня может знать. Черт, Соня может знать многое! О том, что находится в нижнем Потоке, насколько оно опасно, и как быстро нас засекут, если проникнуть в те миры. Вот только спросить об этом нельзя – Тео ее крепко через энергию зацепил, и моментально узнает все, что знает она. Подставлю и Соню, и себя, и Артема.

– Вот вы где!

Мы синхронно развернулись, закрывая спинами аквариум.

– В этом доме я одна должна помнить, что у ребенка сейчас занятия по английскому?

«Ребенок» моментально отлип от аквариума, бочком-бочком просочился в коридор, и исчез, оставив меня со своей любящей маменькой.

– Мало мне готовки на всю толпу? – Нина сердито покачала ножом, подозрительно заляпанным чем-то красным. Гирлянда таких же пятен наискось опоясывала фартук. Надеюсь, она не резала барана для очередных шашлыков. – Еще и репетиторам дверь открывать?!

Из кухни прилетел звон, грохот и Аринин вопль, Нина закатила глаза и умчалась прочь, раздраженно бормоча, где она видела эту плиту, эту посуду и такую жизнь. Похоже, наигралась, и скоро у нас появится новый повар.

В аквариуме оседала муть, пара улиток подавала признаки жизни, рыбки шевелили плавниками куда бодрее. Выживут. Вот теперь можно сказать – действительно получилось... Артем сумел проконтролировать силу воздействия тьмы на что-то живое. Я взяла в руки тряпку и пошла по дому, вытирая пыль и приводя мысли в порядок.

Нас было трое. Друзей с одинаковым даром, ощущением мира, выкрученной до предела яркостью. Всегда рядом, на равных. Вениамин говорил, что это огромная редкость – три максимально сильных дара в одном поколении и одной стране. Первой он нашел Сою, в Потоке. Ее как раз выписали из больницы после аварии, под попечительство тетки. Той нужны были деньги брата, а не племянница, внезапно выжившая и вставшая между ней и вождленным наследством. Тетка переехала в Сонину квартиру, заняла родительскую спальню и принялась изо всех сил заботиться о бедной сиротке. Начались походы по психиатрам, украдкой сунутые конвертики, какие-то комиссии... Опасность Соня чувствовала. Получив приглашение Вениамина, вытащила из укромного уголка родительскую наличку и сбежала в Москву.

Я пришла в психологический центр на месяц позже нее, а через четыре месяца появился Паша. Мы везде держались вместе, втроем, и вскоре стали неразлучны. К тому времени Соня переехала из сомнительной съемной квартиры в еще более сомнительное общежитие, но от любой помощи отказывалась, откуда-то доставала деньги и умудрялась нигде не светить документы – ждала совершеннолетия. Бабушка вздыхала, пекла пироги и под любым предлогом старалась усадить ее за стол. Беда грянула на Сонино шестнадцатилетие: за год тетя успела не только подать в розыск, но и наводнить интернет объявлениями о поисках обезумевшей от горя сиротки. Соседи узнали пропавшую девочку по фотографии и позвонили в полицию. Сцапали Сою без выяснений, и должны были отправить домой. Слушать ее никто не хотел, словно она преступница! Не представляю, чем бы закончилась эта история, если бы не Паша. Он был старше нас, взрослее, рассудительнее. И семья у него непростая. Все решилось быстро: адвокат, заявление об эмансипации, суд. Соне организовали официальную работу, московскую прописку и необходимые документы, чтобы ее признали способной жить одной. Она освободилась от тетки, смогла распорядиться наследством. И осталась здесь.

А потом был портал, который все разрушил.

И вот теперь нас снова трое, но... Сегодняшнюю встречу Паши с Соней нельзя назвать теплой. Оба друг на друга ощутимо злились. Конечно, душа в душу они никогда не жили. Сарказм, подколы – обычное дело. Но что-то явно между ними произошло тогда, четыре года назад, за границей.

Кстати... Почему Соня не звонит? Выполняет свое таинственное задание? Я бросила тряпку и сосредоточилась – энергетический след четко отсвечивал из ее квартиры, хотя первые дни разглядеть его было невозможно. Как хорошо, что Соня здесь, недалеко, такая яркая, настоящая. Такая солнечная, как на том рисунке Влада. Рисунок Влада, да-да...

Кира распахнула дверь сразу же, как только я вышла из лифта. На ней были пляжные шорты и футболка ядерной расцветки, за каштановую кудряшку цеплялась съехавшая вниз заколка с тропическим цветком. В отставленной в сторону руке – обгрызенная конфета, в глазах – немой вопрос.

– Лейка? – она недоверчиво заглянула мне за спину, словно ожидала там обнаружить еще кого-то. – Все в порядке?

– Я ненадолго, можно? – спросила я, чувствуя себя довольно глупо. Стоило все же сначала позвонить.

– Нужно! – Кира решительно цапнула меня за руку, втащила внутрь и захлопнула дверь. – Добро пожаловать на конфетную вечеринку!

Лихо закинула растаявший огрызок конфеты в рот, облизала пальцы и умчалась к плите. Модный минимализм ультрасовременной студии, светлой и просторной, оказался разбавлен старым креслом, уютным и домашним, с мягкой вышитой подушкой под спину и свисающей с подлокотника парой носков.

– Ужас, правда? – раздался сзади гордый голос Киры. – Где Саутин, там и этот монстр.

И она разрешила? Потрясающе. Видимо, ее Роман Саутин не только следователь, но и волшебник. Под здоровенным настенным телевизором на стеклянной подставке лежала стопка дисков с научными фильмами, отеснив в угол Кирины корейские сериалы. На письменном столе выстроились пухлые папки. Кира приткнула рядом с ними две огромные чашки с чаем и фарфоровый чайник литра на четыре. Масштабный подход к чаепитию... Я взяла одну из них и села на диван, потеснив горы фантиков и открытые коробки конфет. Кира схватила вторую, приземлилась в подвесное кресло и ойкнула. Пошарила под собой, вытащила толстый юридический справочник и, удивленно моргнув, небрежно кинула его на диван.

– Маловато народа для вечеринки, – отметила я, опуская на подлокотник чашку, горячую и тяжелую.

– Рома на работе, – доложила Кира, с удовольствием выдув половину чая. – Трудоголик. В очередное нераскрытое дело повтыкать – святое. Ешь, не отлынивай.

Я послушно приобщила к вечеринке парой конфет. Седьмой месяц отношений для Киры – рекорд, обычно кавалеры вылетали в отставку на следующее утро. На него же она смотрела с невиданной теплотой, мурлыкала всякие нежности, которые раньше считала глупыми, и даже позволяла собой командовать.

– Знаешь, не ожидала тебя тут увидеть, – задумчиво протянула Кира и улыбнулась, – ну, в ближайшее время.

Значит, в курсе, что Соня вернулась. Хотя, было бы странно думать, что это не так. Кира знает все, всегда и про всех.

– Тот рисунок Влада, с поляной... – спохватилась я, вспомнив зачем пришла. – Он у тебя сохранился? Можно я возьму его себе?

– Да, конечно... – Кира по-прежнему улыбалась, но ощутимо повеяло разочарованием и чуть-чуть досадой. – Где-то в бумагах валяется, сейчас найду.

Пока она искала, плюхая на пол стопки листов и разбрасывая какие-то распечатки, я пила чай. С конфетами. Сама не заметила, как съела половину коробки, ужас какой. Кира шумно хлопнула ящиком и пихнула мне в руки альбомный лист в прозрачном файле.

Нашелся! Карандашный рисунок, прочно врезавшийся в память. Поляна, посередине – две неподвижные фигуры. Я и Соня, вдвоем. Стоим спина к спине, но по разные стороны. Она – в лучах солнца, среди белой бесконечности, а я в густой, непроницаемой тьме. Символично, черт возьми. Но почему он сделал такой контраст?

– Влад внимательнее, чем кажется, – усмехнулась Кира, – а вот выводы часто хромают.

– Он художник, он так видит, – повторила я любимый аргумент Влада. – Когда вы уже помиритесь?

– Лейка, – она покачала головой. – Твоим друзьям вовсе не обязательно ладить между собой. А уж питать теплые чувства, устраивать совместные посиделки и обниматься – тем более. Смирись! Все в комплекте не получишь, и нам это не мешает. Во всяком случае, до тех пор, пока ты не начинаешь приставать и требовать жить дружно.

Я убрала рисунок в сумку, Кира стащила с дивана коробку орехов в шоколаде, устроилась в кресле и зашелестела фантиками. Такие у нее теперь вечеринки – с тех пор как с дара сняли блок. Врожденный дар Киры оказался довольно сильным, хоть до максимального уровня и не дотягивал. Но в придачу к восстановившимся способностям она получила полный комплект ограничений. Чужие эмоции давят, от толпы гудит в ушах, а воздух заканчивается. Не спрячешься вовремя в безлюдном углу, и обморок обеспечен. Первое время Кира по инерции

пыталась вести прежнюю жизнь: банкеты, деловые приемы, кинотеатры, бары... Но мучительная головная боль кого угодно заставит полюбить сидеть дома и пить чай, а не вино. Паша, сняв блок, внезапно для себя оказался придавлен ответственностью – Кира должна была научиться пользоваться открывшимися возможностями. С теорией у нее все было отлично, с практикой – увы, никак. Он усердствовал сверх меры: постоянно держал под контролем, жестко отчитывал за малейший промах, разве что линейкой по пальцам не лупил. Впрочем, эти двое как-то уживались. Кира была его заместителем в VIP-клубе банка третий месяц, а они все еще друга друга не поубивали. Хороший знак.

– Мне утром на пресс-конференцию, – пожаловалась Кира, – на целый час. Опять придется отгораживаться и превращать зал в унылую черно-белую раскраску. Надеюсь, справлюсь. Недавно на корпоративе чуть расслабилась – яркость как выкрутилась обратно, и бабах в обморок. Половина отдела решила, что я беременна, тьфу. Завтра тупить нельзя. Товарищ офицер-какой-начальник тоже там будет, загрызет. Или я его, если еще раз так заботливо спросит про декрет...

– Он сам-то час на конференции протянет?

Летом довел себя до ручки. У меня тогда была дополнительная энергия от Хранителя для управления глубоким Лектумом, а Паша с одним только своим даром бросился помогать и умудрился выжать из него все, что только можно. Теперь ему требовался отдых, любое энергетическое воздействие причиняло боль. Эффект временный, силы восстановятся, если ими не пользоваться и избегать толпы.

– Протянет. Или час, или ноги. – Кира кинула конфету обратно в коробку и лениво качнулась в кресле. – Ты прекрасно знаешь, он скорее удавится, чем покажет, что у него что-то не круче всех. Да только пока старается держаться от людей подальше. С каждой неделей все меньше – отпускает, видимо. Думаю, остаточный откат уже не критичен.

Ну, если Кира так считает... Она бы не упустила шанса отыграться за учиненный ей тотальный контроль и сдать мне наставника с потрохами. Обычно после таких проделок Паша скрежетал зубами и грозился придушить «этого дятла». Быстрее бы они разобрались каждый со своим даром, а то сама обоих придушу.

В сумке залился трелью телефон, я вздрогнула и выронила очередную конфету. Неужели?... Кира от любопытства вытянула шею, на дисплее высветился до боли знакомый набор цифр...

– А вот и я! – звонко объявил Сонин голос.

– У тебя старый номер! – обрадовалась я.

Кира уткнулась в выключенный телевизор.

– Да, – Соня довольно засмеялась, – телефон и карточку восстановила, интернет подключат позже. Отхватила платье, классное, в горошек. Сажу на набережной, с мороженым. Тебе тоже купила. Ай, оно тает! Давай быстрее!

– Десятый час, – сказала я, глядя в темноту за окном, – поздно вато для прогулок.

– Вот именно! Людей мало, тишь да гладь. Ё... – в трубке завозились, приглушенно гавкнули.

– Соня?

– Я тут. Но у нас больше нет мороженого. Идиотская псина! У нее пасть как чемодан.

– Она без намордника?!

– Сейчас да. Они с хозяйкой его по очереди носят. Теперь она на меня лает.

– Кто, собака?

– Хозяйка... – в трубку хихикнули и отключились.

Да что там происходит? Я кинула телефон в сумку и встала.

– Кира...

– Тс-с-с, – она прижала палец к губам, поднимаясь следом. – Скорее спасай собаку! Такси вызвать?

Я кивнула и пошла одеваться. Некрасиво получилось. Приехала без приглашения, выпросила рисунок и убегаю, как только позвонили.

– Через десять минут подъедет, – доложила Кира, появляясь в дверях. – Номер шесть, три, семь, синенькая. Остальное неважно, ты все равно в машинах не разбираешься.

Может, она не сильно обиделась?

– Хорошего вечера, – спохватилась я у лифта.

Кира подмигнула и помахала рукой.

Во дворе ее высотки было пусто. С шумной трассы свернули огни, мазнули светом по сырому асфальту и, замерев, потухли у подъезда. Посчитав, что машина достаточно синяя, я села на заднее сидение, назвала таксисту адрес и послала сообщение Артему, что ночевать не приду. В ответ прилетели три злобно прищуренных смайлика и фотография жареной рыбы на фоне аквариума. Нахаленок!

Яркий солнечный отпечаток сиял с набережной, постепенно приближаясь. Соня сидела на самом краешке парапета, болтая ногами над масляно поблескивающей темной водой. Собранные в высокий хвост волосы трепал ветер, из-под плаща выглядывала красная юбка в белый горошек. Упадет ведь! Я подошла сзади и обхватила ее обеими руками.

– Не трусь, – Соня рассмеялась и отпустила бортик. С ума сошла! – Я не настолько люблю мороженое, чтобы топиться.

– А где собака?

– Увела домой свою психованную хозяйку, – Соня слегка обернулась и вздохнула. – Ей было стыдно. Очень.

– Кому, хозяйке? – Я опустила руки и улыбнулась, зная, что услышу. – Слезай!

– Собаке! – Соня развернулась и прыгнула с парапета на асфальт. – Представь, мне еще и влетело за то, что псина сожрала мое мороженое. Ей, видите ли, нельзя сладкого.

Несмотря на жизнерадостный тон, четко просвечивала слабость с примесью какой-то странной усталости, глаза лихорадочно блестели. В чем дело?..

– Ты как себя чувствуешь? – спросила я. Прозвучало слишком встревоженно, но самоконтроль дал трещину.

– Как вампир на диете...

Я взяла Соню за руку, настойчиво сжала холодную ладонь. Вдобавок ко всему ей только простудиться не хватает.

– Выглядишь так же! Марш домой, под одеяло. И это не обсуждается.

– А поесть? – Она обиженно приподняла бровь. – В моей квартире еды нет, совсем.

Зато платье купила. Но не с моими дисками в холодильнике кого-то жизни учить.

– Лейка... – Соня пощекотала кончиками пальцев мою ладонь. – Тут кафешка недалеко. Столик на террасе, сырно-грушевый салат... М-м-м... Поедим и домой. Сразу! Клянусь диабетом той псины!

Происходящее казалось возмутительно неправильным, но возражения никак не оформлялись в слова.

– Я все равно не усну! – пригрозила она. – Буду стонать от голода и перепугаю всех соседей!

Что-то для болезненного вида у нее слишком много энергии. Стоп... Энергии? Я сосредоточилась, взгляделась в Соню так внимательно, как могла. Оно действительно было, проглядывало сквозь привычные сгустки солнечных искр – мощное, чужое, явно взятое взаймы. У кого? Догадываюсь... Вот почему ее отпечаток не получалось разглядеть! Но раз его видно сейчас, значит, она может это контролировать. Соня едва заметно кивнула и улыбнулась, наши

пальцы знакомо переплелись. Так, больше никаких вопросов, она и без того дала мне достаточно подсказок.

– Если я чем-то могу помочь...

– Можешь, – нетерпеливо перебила Соня. – Для начала вызови такси!

Сониная кафешка оказалась полноценным рестораном на последнем, четырнадцатом этаже бизнес-центра. Монолитная башня лучилась теплым сиянием, будто гигантский торшер, отсвечивая оранжевыми витражами окон. Под стеклянным куполом крыши – в меру строгий интерьер, идеальная симметрия, редкие посетители, ни шума, ни присущей центру города суеты.

Вместо сырно-грушевого салата на террасе мы получили столик у окна и меню с большими картинками. За стеклом сливались в нечто неразборчивое кусочек реки, размытое серостью небо и унылые пятна домов, дорог и людей.

Соня довольно вздохнула и заказала кучу блюд с загадочными названиями, я – родной и понятный салат оливье, благо такой нашелся среди итальянской кухни. Правда, почему-то с рыбой. Соня с аппетитом уплетала блюдо за блюдом, рисуя в тарелках рожицы соусом и болтая обо всем подряд. О соседке-сплетнице, поверившей, что Соня все эти годы познавала просветление в заброшенном тибетском храме, о шокированных ее честными объяснениями менеджерах банка, о своем недавнем звонке старой знакомой, вместе с которой открыли салон для собак незадолго до... того рокового дня. Совместное предприятие процветало, и у Сони хотели выкупить ее долю за внушительную сумму.

– Знаешь... – она поковыряла остатки зеленых макарон, – я бы давно бросила тот салон, если бы не пропала на четыре года. Мне, считай, повезло. Можно было больше попросить, да ладно. И так хватит.

Повезло?! Спокойно... Они ведь закончились. Эти четыре года – долгие, мучительные, полные ожидания и безысходности. Остались в прошлом. Вместе с въевшейся в память воронкой портала, сводящим с ума жаром и ночными кошмарами. В них я сотни, тысячи раз ловила Соню за руку, пыталась помешать, уговаривала остаться. Тщетно.

– Здорово, – бесцветно сказала я, гоня одинокую горошину по тарелке.

– Столько нового! – Она восхищенно взмахнула вилкой с нацепленной на нее оливкой. – Сразу четыре сезона сериалов, километр книг и непрслушанных альбомов, а уж пропущенных новостей...

Соня счастливо рассмеялась, искоса глянула на меня и замерла.

Надо вдохнуть. Просто вдохнуть поглубже.

Нет, не могу...

– Зачем?.. – спросила я, подавившись остатком вопроса.

Горошина на тарелке расплылась. Мутный шарик на границе позолоченной каемки. Совсем чуть-чуть не хватило... Соня медленно отложила вилку. Рожица с ее тарелки улыбалась, пахло жасмином, а еще чем-то пряным и острым. Все померкло, зал заволкло туманом. Чтоб его! Пора брать себя в руки, срочно. Пока всему ресторану эмоциональный фон не подправила. Проходящая мимо официантка вздрогнула, выронила поднос. Пронзительный звон, осколки на полу. Черт!

– Мне было важно, – тихо сказала Соня, странным образом заглушив все звуки вокруг, – очень. Посмотреть, что там. Я бы не смогла уйти... без ответа. Всю жизнь бы жалела. Это намного хуже.

Я знала... Помнила десятки исписанных тетрадей, безумных теорий, одержимость загадками Потока. Вечные «почему», горящие от предвкушения глаза. Но не думала, что однажды зайдет так далеко.

Я старательно втянула в себя воздух, темная пелена рассеялась, слегка. Сияли люстры, официантка устраняла погром под любопытными взглядами посетителей.

– Мы договаривались посмотреть. Только посмотреть на границу. А вы...

– Это было спонтанно. Никто не рассчитывал, что портал откроется, и через него получится пройти.

– Ладно. Допустим, оно было важно. Допустим, спонтанно. Ты туда пошла, посмотрела. Почему не вернулась сразу? С Пашей. Когда портал еще был открыт. Что мешало? Две недели – не четыре года!

Она обхватила чашку обеими ладонями, наклонилась вперед и по-детски заглянула мне в глаза, снизу-вверх.

– Вот именно, – жалобно протянула Соня, не замечая, как из переполненной чашки на руку каплет горячий чай. – Четыре года... Да я просто в шоке! Еще немного – и пришлось бы вставные челюсти покупать...

– Не вилай! – разозлилась я.

– Хватит.

Прозвучало так, что вертевшиеся на языке слова разом застыли. Я откинулась на спинку стула. Это легко, когда концентрируешься: засунуть протесты куда подальше, унять стук в висках. Успокоиться...

– Хватит о прошлом, – донесся Сонин голос. – Есть вещи, которые не исправишь, хоть обжалейся. Лучшее, что можно сделать – не позволить им испортить что-нибудь еще.

Я подцепила вилок горошину с тарелки и отправила в рот. Соня мягко отобрала вилок и, отложив ее в сторону, накрыла мою руку своей.

– Лейка... – глухо сказала она, не сводя с меня странно отрешенного взгляда. – Не хочу, чтобы ты переживала. Или расстраивалась. И никогда не хотела.

Если бы все зависело от наших желаний... Сгустившийся воздух разрядился, туман окончательно отступил. Официантки уже не было. Неудачно я ее задела своим всплеском эмоций, надо быть сдержаннее...

– Пойдем! – Соня решительно тряхнула головой и вскочила со стула. – Быть здесь и не заглянуть на смотровую площадку – преступление.

Схватила меня за руку и потянула за собой, я еле успела стащить с вешалки наши плащи. За стеклянными дверями в лицо ударил ветер – осенний, промозглый. Со всех сторон наступал разбавленный подсветкой полумрак, в воздухе висела сырость, затянутое тучами небо низко чернело над головой. Будет дождь, и очень скоро. Выпустив мою ладонь, Соня подбежала к парапету и застыла с выражением абсолютного счастья на лице. Красное платье ярким пятном плескалось в темноте, изрезанной огнями раскинувшегося внизу города. Массивы величественных башен, шпили легендарных высоток, очерченная контуром фонарей дорога, полоса набережной, отражение огней в воде. Холодно. И высоко. Живот сводит вовсе не от восторга...

Я торопливо закуталась в свой плащ, осторожно, стараясь не смотреть по сторонам, сделала несколько шагов и накинула Сонин ей на плечи.

– Трусиха! – хихикнула Соня, не оборачиваясь.

– Пора домой, – я уткнулась лбом ей в спину. И хорошо, и вниз смотреть не надо. – Тебе нужно выспаться, а завтра с утра сходить к Аните, уладить какие-то формальности. Она будет ждать.

Соня отодвинулась, насмешливо посмотрела через плечо и демонстративно наморщила нос.

– Анита милая, – сказала я совершенно искренне. – Нам повезло с куратором.

– Нам бы повезло, если бы они и дальше сидели в Европе со своим идеальным миром. Кто их вообще сюда звал?

– Ну... Иногда они бывают полезны. Как, например, этим летом. Руководство испанского филиала готовилось избавиться от людей с предельным уровнем дара, а главный офис им помешал. Так что не все так плохо.

– Офигеть... – Соня стукнула ладонями по парапету и расхохоталась в голос. – Сначала облажались с персоналом, потом кое-как спасли свои задницы от грандиозного шухера. Ай да Совет, ай да борцы против вемского беспредела...

– Тише, – шикнула я.

– Постой... Летом? В Испании? Это когда сильные вемы толпой ломанулись в царство белого, ты устроила переполох, а кролики ловушку погрызли?

Вижу в нижнем Потоке полно сплетников.

– Случайно ввязалась в ту историю, – я взгляделась в панораму города, сердце подпрыгнуло к горлу. – Полный набор: похищения, заговор, шпионские страсти.

– Впечатляет, – присвистнула Соня.

Повисла пауза, небо почернело целиком. Казалось, даже огни высоток померкли. Черт, как же тяжело! О чем можно говорить, а о чем опасно? А так хотелось бы рассказать все... Показать. И самой расспросить обо всем.

– Ты подсказала мне, как открыть дверь, – не выдержала я. Соня заинтересованно склонила голову набок. – В том мире с жемчужным дождиком.

– Хм... Разве что случайно. Я постоянно пыталась восстановить связь с телом. Передать тебе, что жива. Сказать или записать на чем-нибудь. Бесполезно – сознание в реальности было, считай, одним жалким процентом, рябь да туман.

Ясно... Вот и хватало этого процента максимум на раскраски, насвистывание мелодий и обрывки бессмысленных фраз.

– А ведь за границей я много думала о ней, – задумчиво сказала Соня. – О той двери. Как о головоломке, на которую можно отвлечься. Единственная мысль в итоге посетила – взорвать ее к чертям...

– Это сработало, – усмехнулась я. – Бусинами.

– Да? Так и знала! Но теперь за эту дверь не тянет. Словом, облом: мечты сбываются, а уже на фиг не надо... А тебе зачем понадобилось ее открывать?

Скользкая тема. Там, где сценарии, там Вестники. Держать от Сони столько секретов невыносимо. Противоестественно. Никто не знал обо мне больше, чем она. Раньше...

Соня сжала мою ладонь, улыбнулась. И сказала:

– Потом. Все расскажем друг другу потом.

Я кивнула. Надо просто подождать. А уж ждать я умею.

Ветер рванул подол плаща, на макушку капнуло. Достоялись! Развернувшись, я потащила Соню прочь с веранды – под крышу ресторана. Соня упиралась, смеясь и лоя ладонью первые капли. Едва заскочили внутрь, сзади хлынул дождь. Мощный, стремительный. Настоящий ливень! Стало ясно – никакой зонтик не спасет.

– Кажется, нам придется задержаться, – неприлично довольно протянула Соня, замерев у двери. – Как насчет десерта?

Глава 7

Соня

За пределами лоджии была темнотища, лишь пестрели точки фонарей вдоль нитей дорог, да крохотными огоньками двигались фары машин. В далеких, затерянных на краю парка домах вспыхивал свет, рисуя желтыми окнами фигуры. Ни малейших признаков утра, хоть многим пора вставать и шуровать на работу.

Зевнув, я нащупала приятно похрустывающий контейнер и подтащила его поближе. Колбаса... Тугая, рубиново-красная, с розоватыми крапинками сала, нарезанная такими тонкими лепестками, что они казались прозрачными... С запахом, вызывающим неконтролируемое желание все это немедленно съесть! Когда я вчера ее заказала после десерта, Лейка сурово сдвинула брови и попросила принести три порции. Навынос. А потом вызвала такси, довезла меня до дома и бдительно проконтролировала, чтобы я зашла в подъезд. Вместе с колбасой.

С наслаждением жуя ароматный ломтик, я откинулась на спину. Итак, мир со сценариями всего пять – жемчужный беспредел, фонтан со снежными гремлинами, плавучая деревенька, библиотека летающих книг и унылая мельница. В двух из них я уже побывала, пора проверить оставшиеся три мира и найти, наконец, девочку, смерть которой не вписывается в общий ряд. Если такая там есть...

Затяжной вдох, касание теплого, плотного, с каждой секундой густеющего воздуха. Радужные переливы, дрожь по коже. Вот он – круговорот энергии, бешеный, горячий. Пропускает, приглашает. Зовет...

Тонкий скрип причальных досок, журчание воды. Заросли, расколотые надвое извилистым каналом, вереница разномастных домишек на толстых сваях, духота и зной. Черeda бегущих по мутно-зеленой воде лодочек, как пустых, так и заваленных цветами, фруктами, посудой, тряпьем и еще бог весть чем. Затерявшаяся во времени плавучая деревенька с простеньким сценарием: периодически сплошной стеной обрушивается ливень, лодочки обрастают в щепки и исчезают в воде, словно шипучие таблетки. Спустя минуту снова цветочки-домики-лодочки. Мило, безопасно и... дьявольски скучно. Вениамин называл этот мир лягушатником и часто таскал нас сюда на тренировки. Первые пару раз было весело: поиграли в игру кто-вымок-тот-дурак, облазили окрестности, научились гасить гигантского паука, обитавшего на чердаке рядом с точкой выхода. Потом новизна стерлась, и все приуныли. В дураках уже никто не оставался, даже Кира, а паук оказался полной флегмой, несмотря на свои размеры и мерзкий вид. Надо было еще постараться, чтобы вытащить эту ленивую скотину из кокона.

Я села на теплые доски причала и опустила ноги в воду. М-м-м... Прохладно... Рядом, в воздухе, ярко сверкнуло, разрядилось вспышкой энергии, над головой просвистела худосочная задница в полосатых плавках, и с воплем «Еху-у-у» в канал плюхнулся какой-то дрищ. Вынырнул, расплылся в широкой улыбке... И огреб ливанувшего дождя прямо в довольную физиономию. Я рассмеялась, задохлик бодро отфыркался, сделав вид, что все под контролем, и поплыл прочь. Двоечник! Тренироваться надо, на меня вон ни капли не попало.

Я побулькивала ногами в воде, прикрыла глаза. Так. Освободить разум, обострить чувства. Энергия Яники направляет, подсказывает. Калейдоскоп картинок, застигнутый врасплох миг... Родители называли ее Кай. Просто Кай. До семнадцатилетия она не дожила неделю. Все произошло быстро, почти мгновенно, даже испугаться не успела. Ливанул дождь, как всегда некстати. Вынырнувший из-под причала топляк, толчок в борт утлой лодчонки, мир кувырком, обжигающая прохлада. Полная тишина, размытый свет сверху с темными подвижными пятнами. Потом глоток воздуха, обрушившийся шум, журчание, кругом вода. В ней – цветы, охапками. Мельтешат пестро, качаются. Неожиданный удар сбоку, резкая боль в виске, на секунду

мелькнувший перед глазами острый нос ее лодки... Темнота. Странное облегчение и вспышка невероятной мощи, неизменно сотворяющая миры.

Я перевела дыхание. Канал нес на волнах деревянные лодочки. Ту, с цветами, тоже. Минута, третья, пятая. Ливень по расписанию. На секунду мелькнувшее в мутной воде пятно топляка – не знаешь где смотреть, не увидишь. Лодки разлетелись щепками, растаяли. М-да. Сильно смахивает на несчастный случай – неудачно вынырнула и попала под свою же лодку. Топляк не спланируешь, если ты не бобер, конечно. И где наш убийца? Варианта два: либо он еще не явился, либо явился, но не убил. Почему?

Я замерла на границе размытых воспоминаний, прислушалась. Кай молчала. Гордо и упрямо. Паршивка...

Поверхностного прикосновения хватило, чтобы узнать кое-что. Ее дом тот самый, в конце канала. Там родители, маленькие сестры. А еще старший брат с женой и детьми. Они дружили в детстве, а теперь он смотрит с отвращением, слова не вымолвит. Мать с отцом недавно шептались, продавать ее хотят. Все правильно. Они почти разорились, когда муж вернул Кай родителям и выкуп обратно потребовал. Нет, он любит ее, она точно знает. Только ему нужны дети, а Кай не может их дать. Муж долго ждал. У его друзей уже по третьему, а у них – никого. Никак. Она проклятая. Проклятая. Еще и видения эти в последнее время – все молчат, но она чувствует их. Кожу жжет чужим презрением, ненавистью... Домой идти страшно. На чердаке, где ее постель из кучи соломы, паук здоровенный завелся. Страшный, мохнатый. Упал как-то на голову, Кай так кричала...

Милая семья! Ладно, девочка, сейчас развлечемся. Жалко, что братца твоего сволочного не достать, зато паук в наличии.

Крайний дом ничем не отличался от остальных лачуг: те же шаткие мосточки с берега к дверям, такие же к соседям. Сразу у входа – лестница. Знакомо проскрипели ступеньки – опля! Вот и чердак. Низкая крыша, у оконного пролома охалка какого-то силоса. Значит, это и есть кровать Кай, расщедрились родственнички. В углу – кокон из паутины, размером с замотанного в покрывало алабая. Я выглянула в оконце – ливень как раз заканчивался. Главное, уложиться по времени. Небо прояснилось, сценарий побежал по новому кругу. Начнем! Спиной к окну, импульс в кокон и... тишина. Висит, собака, не шелохнется. Еще импульс, кокон дернулся, захрустел, словно туго накрахмаленное белье, и стих. Ах так?!

Шаг в сторону, представить братца... Жажнула от души! Паук выпрыгнул сразу, встал на дыбы, защелкал громко, угрожающе качнув мохнатыми лапами. Глаза чернющие навывкате, из пасти не то бивни волосатые, не то усы – тьфу ты, пакость! Стрекот стих, челюсти шевельнулись... Я моментально перелетела через подоконник, не вспомнив про лестницу. Настил спружинил, рядом впечаталась зеленоватая слизь, шипя и пузырясь. Плоется, гад! В месте плевка дымились доски, в оконном проломе маячила злобная морда. Я метнула в нее ворох обжигающих искр, развернулась и помчалась к причалу.

В одной из дрейфующих лодок мелькнули знакомые полосатые плавки. Так и есть – дрищ комфортно распластался на тюках с тряпьем и пялился в небо, явно высматривая признаки дождя. Я пролетела над его головой, перескочив на другой берег. Дрищ с интересом приподнялся на локтях, подмигнул и подвинулся, похлопав по тюку рядом с собой. Паук добежал до кромки воды, на полном скаку выплюнул пару нитей через канал и понесся по ним, ловко перебирая мохнатыми лапами. Уловив странные звуки, дрищ недоуменно обернулся... Сюрприз! Ё-о-о... От душераздирающего визга заложило уши, как в самолете на большой высоте, дезориентированный напрочь паук зашипел и тихонько пополз ко мне, тряся башкой и булькая ядовитой гадостью. Голосистый задохлик мгновенно ввинтился между тюками, из-под кучи тряпья по обе стороны лодки высунулись руки и споро забили по воде, подгоняя суденышко прочь. Эй, а как же любовь, большая и чистая?

Паук добрался до берега, шатаясь брел ко мне. Извини дорогой, отбегался. Скоро зарядит ливень, и ты снова окажешься в коконе. Пора сворачивать представление. Я послала миру сигнал о помощи, тот готовно откликнулся, будто только этого и ждал. Твой выход, Кай! Искры закружились вихрем и обрушились вниз, сверкая первозданной мощью. Паук разлетелся зелеными кляксами, ровно под хлынувший ливень.

Прикрыть глаза, расслабиться. Прислушаться, поверить. Она – это я. Пока льет дождь, на пару мгновений. Их хватило. Та старая женщина сияла ярко-ярко. Сидела в одной из проплывающих мимо деревни чужих лодок, крутила головой, словно что выискивала. А потом устала на их дом. Смотрела прямо в чердачное окно и улыбалась, будто знала, что Кай там прячется и подглядывает украдкой. Но как не подглядывать? Всполохи над головой чужачки завораживали – сильные, красивые, переливающиеся сгустками. Никогда раньше Кай не видела ничего похожего. Лодки уже скрылись за излучиной, а сияние все еще просвечивало сквозь деревья. Внизу бесновалась жена брата, звала Кай, кричала раздраженно. Вот-вот Хан-Маак начнется – ее сын берет жену из соседней деревни, а цветов все нет. Кай змеей соскользнула с чердака, прыгнула в лодку. А часом позже был тот самый ливень...

Я распахнула глаза. Старуха явно разыскивала Кай. Нашла. И что? В тот день ее с песнями пронесло мимо, а Кай поплыла в другую сторону, за цветочками, где и убила. Сама. Вряд ли старуха заранее подгрызла бревно. Хотя старики они такие, на многое способны. Лейкина Карловна так точно... Собиралась ли чужачка вернуться и убить Кай, или были другие планы – теперь не выяснишь. Ловить тут нечего. Не мой случай.

На чердаке неподвижно висел кокон из паутины, сквозь щелястые доски дальнего угла сочилась энергия – точку выхода сразу чувствуешь, она как поток свежего воздуха среди духоты. Вдох полной грудью, шаг вперед. Момент перехода – это почти как в метро, у самого тоннеля, перед несущимся навстречу поездом. Та секунда, когда порыв сумасшедшего ветра бьет в лицо, треплет волосы... Да, похоже. Только еще лучше!

Шкафы. Теперь со всех сторон наступали шкафы – набитые старыми книгами, пахнущие деревом и пылью. Нависали громадой, выдавливая воздух из тесных проходов, терялись макушками в сумраке сводчатого потолка. Всюду порхали увесистые томики, стряхивая буквы со страниц. Те разлетались веером, плюхались на ковер веселыми чернильными кляксами. Если цапнуть книжку за обложку и держать, то накапает целая лужица. Главное – следить, чтобы в тот момент сверху не забрызгало... знаниями. Пол трянуло, с полок соскочило еще несколько летучих фолиантов. Я пробежала вглубь библиотеки, ныряя под высоченные стремянки, уворачиваясь от растрепанных томиков и чернильных клякс. В углу, у самой точки выхода, стоял потертый стол, густо заросший пылью и паутиной – единственное тихое место в этом бедламе. Тут почему-то ничего не летало, не капало и не тряслось. Залезла под него, приготовилась. Качка усиливалась, библиотека уже ходила ходуном. Отлично, сценарий завершился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.